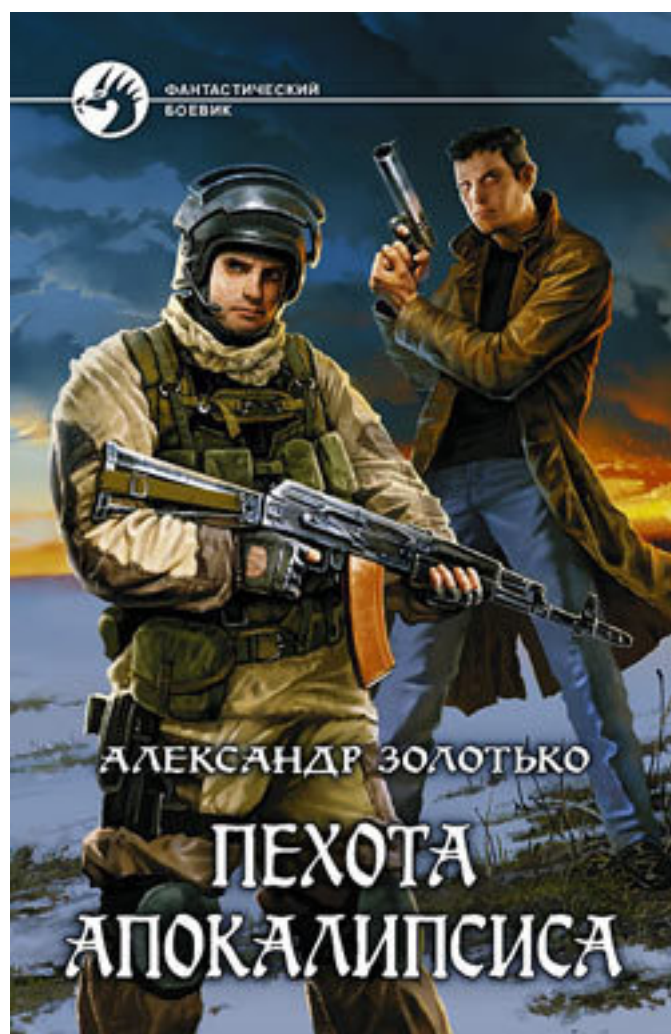

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

ПЕХОТА АПОКАЛИПСИСА

Последняя крепость Земли

Александр Золотько

Пехота Апокалипсиса

«Автор»

2008

Золотько А. К.

Пехота Апокалипсиса / А. К. Золотько — «Автор»,
2008 — (Последняя крепость Земли)

ISBN 978-5-9922-0193-2

Патрульные были уверены, что защищают человечество. Свободные агенты думали, что из двух зол можно выбрать меньшее. Политики полагали, что цена за власть не может быть слишком высокой. Все они ошибались. Десять лет пришельцы контролировали Землю, регламентировали каждый шаг. И вдруг – свобода. Свобода убивать своих. Свобода обманывать. Свобода драться за наследие оккупантов и власть над миром. И лишь немногие знают, что срок, отпущенный человечеству, подходит к концу. И что главное сейчас – не выжить. Главное – остаться человеком.

ISBN 978-5-9922-0193-2

© Золотько А. К., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Золотько

Пехота Апокалипсиса

Глава 1

Игорь Андреевич Ильин, бывший командир бывшей специальной группы бывшего Патруля, никуда не спешил. Он терпеливо ждал, пока в канцелярии готовили документы, пока конвойный неторопливо отпирал двери его камеры, пока кладовщик разыскивал его вещи среди десятков похожих картонных коробок, пока...

Много было этих «пока».

Если на каждое реагировать – можно крышей поехать. А Игорю Андреевичу Ильину, бывшему командиру бывшей... и так далее, Игорю Ильину по прозвищу Кот, нужно было сохранить свою крышу в нормальном, стационарном состоянии.

Ему нужно было найти Грифа.

Это было самое сильное его желание – найти Грифа. Важнее этого, знал Ильин, нет ничего.

Найти.

И еще Ильин знал, что это желание, каким бы острым оно ни было, нужно отодвинуть на задний план.

Потом.

Вначале – выйти из следственного изолятора, понять, что теперь ждет в жизни бывшего командира бывшей...

Твою мать, подумал Ильин. Вот так и сходят с ума.

Первую неделю от желания найти Грифа Ильин не мог спать.

...Найти. Найти любой ценой. Найти Грифа – это самое важное, что у тебя осталось в жизни...

Сокамерники попытались объяснить Ильину, что его ночные прогулки по камере нарушают правила общежития, что ночью нужно спать или хотя бы лежать на спине с закрытыми глазами. Соседи даже были готовы разрешить лежать на спине с открытыми глазами, но тон в переговорах изначально выбрали неправильный, понадеявшись на свое численное превосходство.

Это были потрясающие пять минут.

Целых пять минут Ильин мог не думать о необходимости найти Грифа. Целых пять минут он был занят.

Потом вмешалась охрана и навела порядок... не сразу, понятное дело, со второй попытки. Но никто им не виноват. Чего это они, в нарушение инструкций и правил, втроем бросились скручивать бывшего командира бывшей...

Командир Ильин бывший, но, как правильно в свое время заметил его преподаватель рукопашного боя, умения вместе с удостоверением не сдашь.

Разложив некстати подвернувшихся охранников вторым слоем, поверх сокамерников, Ильин присел на нары и загрустил.

Нужно найти Грифа.

Очень нужно, думал Ильин, а потом началась вторая попытка охраны успокоить Ильина. Попытка была предпринята грамотно и с применением спецсредств.

Ильин пришел в себя через сутки, в отдельном помещении. Тут никто не мешал мотать круги по камере, в размышлениях, как побыстрее разыскать Грифа.

Найти...

– На хрен,– неожиданно сказал Ильин вслух, чем привел в некоторое изумление дознавателя, сидевшего как раз перед допотопным черно-белым монитором наблюдения.

Задачи нужно решать по порядку и по мере поступления, напомнил себе Ильин. И еще раз напомнил. И снова. И заставил себя отжаться от пола черт знает сколько раз, просто так, на кулаках, с хлопком, держа ноги на нарах...

Обычно Ильин очень просто контролировал свои желания. Обдумав ситуацию, он не смог вспомнить другого такого непослушного желания, и это его насторожило.

Да, взять за шкуру этого шустрого Стервятника хотелось давно. Еще с тех самых пор, когда майор Ильин столкнулся со свободным агентом на улице небольшой деревеньки.

Бойцы Ильина гоняли жителей деревни Старые Пруды к северной окраине, к стоящим там грузовикам. Всех жителей деревни.

Скот и домашнюю утварь собирать было запрещено, объяснять что-либо было запрещено, применять оружие было разрешено, но только в крайнем случае, каковой не представился.

Один мужик, правда, успел схватиться за двустволку и даже вклепил в бронекостюм сержанту картечь из обоих стволов. Сержанта отбросило. Но оказавшийся рядом Ильин стрелка вначале обездвигил, потом стреножил, потом поднял с земли сержанта, убедился, что тот отделался легким испугом, снял с него шлем и врезал по челюсти.

Сержант отключился, Ильин сплюнул в сердцах, приказал отнести обоих к машинам, а потом на связь вышел Лешка Трошин и сообщил, что появился какой-то свободный агент и мешает выполнять боевую задачу.

Так они и познакомились: Гриф и майор Ильин.

Пока Ильин шел к околице, Гриф, чтобы привлечь внимание, достал свое оружие, свой чертов «блеск», и превратил один из грузовиков в дымящиеся обломки.

– Ты что творишь, сука! – крикнул Ильин, набегая на свободного агента.

Свободный агент сделал всего полшага в сторону, но этого вполне хватило, чтобы Ильин самым позорным образом проскочил мимо, поскользнувшись на раскисшей после недельного дождя земле.

– Меня зовут Гриф. Я свободный агент, выполняю свои прямые обязанности, имею приоритет. И либо ты будешь выполнять все, что я прикажу, либо ты будешь выполнять все, что я прикажу. Пейзан отведите в сторону,– сказал ровным голосом Гриф, демонстрируя свое удостоверение с голограммой, полыхающей багровым светом.– Во-он туда,– уточнил Гриф, указывая рукой на опушку леса.– А мне предоставь десяток бойцов. В распоряжение.

Ильин скрипнул зубами, но приказ выполнил. Над головами крутились чужие микропланы, картинка, судя по всему, шла одновременно в несколько мест, и свободный агент действительно мог творить в этой ситуации все, что ему заблагорассудится.

Жителей деревни оттеснили к лесу.

– Крепко их держи,– сказал Гриф.– Это они сейчас спокойные, а что начнется...

Пока бойцы гоняли к лесу полтора десятка деревенских коров, агент стоял неподвижно, лишь иногда покачивая головой, словно не соглашаясь с какими-то своими мыслями.

Дождь усилился, вода стекала по забралам Ильина и его бойцов, грязь чавкала под ногами, а жители деревни стояли, сгрудившись и явно не понимая, чего от них хотят.

Ильин тоже перестал понимать что-либо.

Задача изначально была поставлена простая – собрать, посадить в машины и доставить к ближайшему военному аэродрому. И все. Зачем, для чего – Ильину не сказали.

Коровы мотали головами, но не сопротивлялись, как и их хозяева. Ильину даже показалось, что это два стада стоят друг против друга, тупо ожидая своей дальнейшей судьбы.

– Значит так,– сказал Гриф, не повышая голоса.

Он стоял в пяти шагах перед промокшими жителями деревни, сразу за бронированной цепью бойцов.

– Михаила Нефедова вы все знаете,– сказал Гриф.– Знаете?

– Знаем...– ответил кто-то из толпы.

– Он уроженец вашей деревни...

– Так он лет пять, как уехал,– сказал тот же голос.– Мать схоронил и уехал. Мы думали, совсем пропал...

– Не пропал.– Гриф почесал переносицу, вытер лицо рукой.– Неделю назад он незаконно проник на Территорию.

– Куда? – переспросила старуха, стоявшая в первом ряду.

– На Территорию, баба Маня,– ответил паренек лет пятнадцати, стоявший возле нее.– Это к инопланетянам... к Братьям...

Старуха торопливо перекрестилась. Кто-то из мужиков выругался.

– Вчера он произвел в сторону Корабля выстрел из гранатомета...– Гриф замолчал и оглянулся на Ильина.

Майор почувствовал, как комок подступил к горлу. Ильин знал Закон о Территориях и Акт о Сосуществовании наизусть.

Блин. Сволочи. Так подставить...

Просто собрать все население деревни и вывезти к аэродрому.

А там...

Ильин поднял забрало на шлеме и запрокинул голову, подставляя лицо под удары крупных дождевых капель.

– Граната взорвалась возле Корабля, не причинив вреда. Михаила Нефедова попытались задержать охранники, он сопротивлялся, открыл стрельбу из автомата и был убит в перестрелке.– Гриф снова вытер с лица дождевую воду.

И снова лицо стало мокрым. Мокрыми были волосы Грифа. Насквозь промокла его одежда, но свободный агент, казалось, ничего этого не замечал – только пытался стереть воду с лица.

Снова и снова.

– Принимая во внимание пункт восемь части второй Акта о Сосуществовании и то, что Михаил Нефедов был убит до того, как смог предстать перед Братьями для личного искупления, ответственность за нарушение Акта возлагается на родственников преступника, а в случае их отсутствия – на социальную группу, в рамках которой проходила большая часть жизни преступника до совершения преступления.– Гриф сунул руку за пазуху, достал «блеск».– Воздействие должно быть произведено в кратчайшие сроки, не позднее двух астрономических суток с момента преступления.

Он не все процитировал, подумал Ильин. Там еще есть строка о том, что в случае невозможности или нежелания людей произвести воздействие собственными силами Братья производят таковое самостоятельно, в пропорции десять к одному от объема предназначенного воздействия.

Из леса прилетели еще две камеры – прибыли информационщики.

Жители деревни выслушали Грифа молча. Они не читали Акта о Сосуществовании. Они даже, возможно, и не слышали о нем. Они стояли и терпеливо ждали. Деревенские жители прекрасно умеют ждать.

– Вот такие дела...– сказал Гриф и направил «блеск» на коров.

Бойцы, пригнавшие скотину, шарахнулись в сторону.

Коровы вспыхнули одна за другой. Словно были облиты бензином. Или даже напалмом. Столбы огня взлетали вверх, испаряя дождевые капли, пытаясь дотянуться до низких туч.

Бабы закричали, рванулись к скотине, но бойцы их не пропустили. Женщины били по глянцевым от дождя шлемам, разбивая в кровь свои руки, пытались процарапаться сквозь бронекостюмы до солдатских тел...

Старуха упала на колени и что-то бормотала, но Ильин не мог слышать в общем крике, что именно. Наверное, молилась.

Мужики потащили женщин назад, прочь от бронированных солдат, и тогда женский гнев обрушился на них, не способных защитить кормилиц, не желающих вступить за свое кровное...

Ильин не сразу услышал, что свободный агент окликает его. Грифу пришлось подойти к майору и тронуть того за плечо.

– В деревне не осталось никого? – спросил Гриф.

Ильин сбросил руку агента со своего плеча и молча покачал головой.

– Вы тщательно проверили?

– Да. Да, проверили! – повысил голос Ильин. – Микропланы просканировали все.

– Ладно, – тихо, еле слышно сказал Гриф.

И зажег деревню.

Потом они еще несколько раз встречались. Уже после того, как Ильин узнал все подробности о задачах Патруля и уже несколько раз зачищал населенные пункты, породившие преступников против Братьев.

И даже встречались пару раз без присутствия корреспондентов и соглядатаев от начальства. Но – ни разу один на один.

К сожалению. К счастью. Непонятно к чему.

Ильин нежно лелеял в глубине души надежду, что однажды Гриф ошибется, не примет своих обычных мер предосторожности и можно будет просто набить ему рожу, для начала. А потом, своими руками...

Надежду Ильин лелеял, но она всегда знала свое место и послушно уходила в глубину души, не споря и не пытаясь диктовать свои условия.

Сейчас все было по-другому.

Неладное Ильин почувствовал еще во дворе Клиники, когда выпрыгнул из торпеды и понял, что желание найти Грифа мешает действовать трезво и четко.

В камере изолятора это желание стало бессмысленным, но очень сильным. Поскольку Ильин не привык желать невозможного, то получалось, что желание это было не его. Это было чужое желание, каким-то образом попавшее в череп Ильина.

Чужое непонятное желание похоже на чужой непонятный предмет – всегда может таить в себе смертельно опасную начинку. С непонятными предметами Ильин обращаться умел. Нужно было к ним не прикасаться и не выпускать из виду.

Ильин терпеливо ждал.

Охотно отвечал на допросах, не болтал, не забегал вперед, но на конкретно поставленные вопросы отвечал конкретно. Правда, без излишних подробностей.

До самого своего последнего дня пребывания в изоляторе так и не понял, отчего с ним просто болтали, а не посадили в *откровенную комнату* с молекулярным зондом.

Вопросы задавали странные. Даже не странные – вопросы были самые обычные, без подвохов, но не допускающие двусмысленных ответов. Станным было то, как их задавали. Словно дознаватель получил список вопросов и просто воспроизводил их. Механически выполняя ритуал и особо не интересуясь смыслом ответов.

– Вы находились в отпуске с двадцать третьего октября.– Да.– Принимали участие в событиях двадцать пятого октября.– Каких событиях? – Да или нет.– Нет, а в каких событиях? – Знали о готовящемся...– О чем готовящемся? – Да или нет.– Пошел ты в ж...– Да или нет.– Нет.– Говорил ли кто-нибудь из ваших сослуживцев о своих планах или об антиправительственной деятельности? – Пошел в ж...– Говорил или нет.– Пошел в ж...– Вы освобождаетесь под подписку о невыезде.– Пошел в ... Что?

Ильина отпустили к вечеру. Он подписал бумагу, что не имеет претензий к следствию, что никаких травм, ни моральных, ни физических, не получил. Он самым вежливым образом распрощался с вертухаями и дознавателем.

Желание найти Грифа все это время стояло рядом с Ильиным, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, или шагало слева, за плечом, время от времени забегаая вперед и заглядывая в лицо.

И вышло на улицу вместе с Ильиным.

Под открытым небом Ильин не был уже месяц. Небо, правда, было не таким уж открытым – обычное ноябрьское небо, упакованное в рыхлые темно-серые тучи.

Ноябрь приближался к концу. Снег уже пару раз пытался улечься на улицах и домах, но осенняя слякоть была сильнее.

Ильин поднял воротник куртки и поежился. Холодно.

...И нужно найти Грифа.

Хлюпнула под ногами лужа.

...И нужно найти Грифа.

Ветер швырнул в лицо мокрые листья, проезжающая машина обрызгала грязью, мокрые вороны устроили шумную разборку возле мусорника...

И нужно, нужно, нужно...

Ильин побежал, не обращая внимания на прохожих, на лужи и грязь. Он не заметил ярких цветных надписей на стенах.

«Мочи сосулизаторов» и «Нам не нужны Братья» – призывали надписи, и никто их даже не пытался уничтожить. Попробовал бы их сейчас кто-то тронуть!

Здоровенный плакат во всю высоту девятиэтажного дома, на весь его торец, призывающий сплотиться на пути Сближения и Сосуществования, был исполосован надписями, передающими непримиримо отрицательное отношение общественности к сближателям и сосулизаторам.

На плакат Ильин также не обратил внимания. Не до того было Ильину.

Он даже не заметил собственную «тойоту», сиротливо притулившуюся возле родной пятиэтажки.

Ильин взбежал на четвертый этаж, открыл дверь, захлопнул ее за собой, бросил сумку на пол, прошел на кухню, открыл холодильник и достал бутылку водки.

Сделал несколько глотков прямо из горлышка.

– Ну,– сказал Ильин.– Давай, отпускаяй...

Но легче не стало.

Не стало.

Нужно было найти Грифа.

Найти. Найти, любой ценой!

Ильин швырнул бутылку в стену и даже не вздрогнул, когда отлетевший осколок прочертил царапину на его щеке.

– Я. Должен. Найти. Грифа! – выкрикнул Ильин и ударил кулаком в стену.– Я должен найти...

Шорох за спиной Ильин все-таки услышал. Обернулся. Узнал того самого «паука», которого катал в своей машине.

И не успел даже испугаться.

Нить – штука быстрая. Да и было там того расстояния между ними всего два метра.

Нить вошла Ильину под нижнюю челюсть, снизу вверх.

Ильин замер, по телу пробежала дрожь.

– Здравствуй, крутой майор,– сказал «паук».

Тело Ильина снова вздрогнуло.

– Хоть кивнул бы,– сказал «паук».

Глаза Ильина закатились, тело выгнулось, словно через него прошел разряд тока...

Ильин коротко кивнул «пауку», словно кукловод дернул марионетку за нить.

Хотя так оно, в общем, и было.

А наблюдатель на экране монитора увидел, что Ильин вошел в квартиру, переоделся, приготовил себе кофе и выпил его, уютно устроившись в кресле перед телевизором.

Далеко не всегда удастся увидеть то, что происходит на самом деле.

Катрин Артуа, например, это знала очень хорошо, иногда это ее раздражало, но чаще всего внушало надежду на будущее.

Мадам Артуа не возражала, когда ее называли Брюссельской Сукой. Из этого факта следовало только, что мадам Артуа действительно живет в Брюсселе, что окружающие ее недолюбливают и что ей глубоко наплевать на то, что о ней думают окружающие.

Мадам Артуа даже гордилась своим прозвищем и подписывала иногда конфиденциальные записки двумя буквами – БС.

Брюссельская Сука была одной из самых информированных женщин мира. Она даже знала – одна из очень немногих,– что кружится где-то над планетой космическая станция. Последняя космическая станция. Или единственная.

Но даже мадам БС не имела представления, как зовут обитателей станции, кто они и чего, собственно, хотят. Брюссельская Сука знала, что нужно выполнять приказы этих людей, и не знала, для чего эти приказы отдаются.

Мадам Артуа много чего отдала бы за то, чтобы выяснить все это. Но даже мадам Артуа не была всесильной.

Всесильной – не была. Но обеспечить секретность переговоров от обитателей космической станции она могла попытаться.

Техники гарантировали стопроцентную безопасность, БС им не поверила, попросила назвать точно, тогда техники сказали, что гарантируют девяносто девять и девять десятых процента.

Одна десятая процента – это мало, сказали техники. Это хренова дыра, подумала мадам Артуа, но это лучшее, на что можно рассчитывать.

– И придется тебе с этим смириться,– сказала она Герману Николаевичу Клееву, когда тот выразил некоторое беспокойство.

– Ну,– заметил Клеев, присаживаясь в кресло,– если ты меня об этом просишь...

Артуа села в кресло напротив, через минуту вскочила и прошлась по комнате.

– Ты хорошо выглядишь,– сказал Клеев.– Тебе в жизни не дашь твоих шестидесяти.

И с улыбкой выдержал вспышку молнии в ее взгляде. Он победил и теперь мог позволить себе небольшие вольности в общении.

Это его спецназ повязал европейскую верхушку, а не европейцы хозяйничали в Кремле. Это Брюссельская Сука, спасая шкуру, сдала своих соратников... подельщиков, поправил себя мысленно Клеев.

Катрин сдалась. Ее сейчас можно поставить в любую позу и...

Герман Николаевич даже позволил себе с полминуты обдумать эту мысль, но решил, что рисковать не стоит.

Черт ли сладит с бабой гневной, процитировал про себя Клеев, и настроение его стало еще лучше.

– У нас не более получаса, – сказала Артуа, возвращаясь в кресло. – После этого мои специалисты ничего не гарантируют.

– Ты имеешь в виду... – Клеев показал указательным пальцем на потолок. – Неужели у тебя есть секреты от наших благодетелей?

Мадам Артуа очень не любила расходовать время понапрасну, но тут она позволила себе почти минуту потратить на выражение своего отношения к обитателям космической станции и демонстрацию своего эмоционального состояния по этому поводу.

– ...Кастрировать уродов! – закончила она свое лирическое отступление.

Клеев слушал заворуженно. И даже похлопал в ладоши по окончании монолога.

– Полагаешь, нам есть что обсуждать втайне от них? – поинтересовался Клеев. – Мы ведь все, кажется, уже порешали...

– Все? То есть и ты, и твои товарищи полностью удовлетворены результатами? Никаких Братьев нет, не было и... не будет? – Артуа сделала паузу перед «не будет», и Клеев обратил внимание на это.

Он сам об этом задумывался. И ничего толкового придумать не смог. А делиться своими сомнениями с *товарищами* мог только очень наивный человек, который до уровня Клеева просто не дорос бы. Не дожил. Бы.

Но если об этом хочет поговорить Сука – флаг ей в руки, как говаривали в годы его молодости.

– Итак, тебе кажется, что не все в порядке в Датском королевстве... – улыбнулся Клеев. – Мы подготовили судебный процесс над преступниками, они уже дали показания о том, как готовили смерть миллиардов людей с одной только целью – обеспечить счастье и радость золотому миллиарду. И готовы повторить свои признания и разоблачения при большом стечении публики. Все очень реально. Правдоподобно.

– Боже, Герман, каким ты выглядишь уродом в этом своем самодовольстве! – всплеснула руками Артуа. – Перед кем ты юродствуешь?

Мадам Артуа была одной из немногих иностранцев, кто смог освоить и понять это слово – «юродствовать».

– Ладно, ты не хочешь говорить – скажу я.

– Скажи.

– Адаптационная клиника, – произнесла мадам Артуа.

– Адаптационная клиника, – повторил за ней Клеев. – И что?

– Адаптационная клиника находилась в нашем ведении. Ее контролировала Европа.

– Мы это знали, – еще шире улыбнулся Клеев.

– А мы знали, что вы знали, – ответила злой улыбкой Артуа. – Мы эвакуировали все. Мне так доложили – «все». Потом оказалось, что сохранился дубликат базы данных. Остались практически все архивы в материалах этого...

Артуа нервным движением руки включила голопанель, выбрала файл и развернула.

– Алексей Николаевич Горенко, – прочитала мадам Артуа. – Капитан Специальной службы ООН.

Клеев посмотрел на изображение Горенко, повисшее посреди комнаты, и, не обнаружив ничего достойного внимания, пожал плечами:

– Следите за своими головотяпами сами. Халатность исполнителей...

– У него не могло быть этих данных. Я сама отбирала исполнителей – среди них нет дебилов. Вся информация была скрыта, и никто не мог ее получить. Во всяком случае, мы не

представляем, *как* это можно сделать. Технически.— Мадам Артуа потеряла свои плечи, словно ей было холодно.— Могу дать допуск вашим специалистам.

— Я тебе верю...

— Он мне верит! — восхитилась Брюссельская Сука.— Ты никому не веришь.

— Не верю. Но что следует из прокола твоих техников?

— Из самого прокола — ничего. Но вспомни, как ушел этот самый Горенко из Клиники.

— Через *кольцо*.

— Через *выключенное* кольцо. Мои *люди* уничтожили пару этого кольца. Уничтожили, ты понимаешь это? А он ушел через него.

— Журналисты показали, что кольцо активировал свободный агент...

— Кстати о журналистах. Они ушли через это кольцо в другую пару. Вышли в здании СИА. Это принципиально невозможно. Принципиально! Во всяком случае, противоречит всем нашим... и вашим исследованиям. Так?

— Так,— нехотя согласился Клеев.

— Пусть это сделал свободный агент. Как он это сделал? Ну да бог с ним, с агентом. Куда ушел капитан? Вы же видели запись их последнего разговора.

Артуа шевельнула рукой, изображение капитана Горенко ожило.

— ...Тебе куда? — спросил голос откуда-то из-за границы кадра.— Туда же, куда ушли все ваши?

— Спасибо, не надо.— Ответ капитана прозвучал как-то неуверенно. На грани истерики прозвучал голос.

— Ладно.— В кадре появился молодой мужчина лет тридцати, прошел мимо Горенко, вдоль бетонной стены.— Давай так,— сказал мужчина,— ты просто подумаешь, куда тебе нужно. Подумаешь, когда будешь перешагивать кольцо. Вперед.

Горенко протянул руку, собираясь потрогать бетон внутри кольца, опустил руку, оглянулся на свободного агента:

— Еще увидимся.

— Наверное.

— Кстати,— капитан хмыкнул,— небольшой подарок в компенсацию моральных издержек. Капитан достал из кармана щепотку зеленой пыли.

— Этого сейчас много. И стоит оно копейки... Люди просто еще не распробовали. Возле каждого корабля этого добра полно. Берешь щепотку, растираешь, вдыхаешь... И получаешь свою порцию счастья... Только не злоупотребляйте.

Рука появилась из-за края кадра, капитан высыпал в подставленную ладонь порошок, шагнул в кольцо, чуть пригнувшись...

— Ни одно наше кольцо его не приняло. А в ваших кольцах было зафиксировано появление неизвестного?

— Нет.

— Остается предположить, что есть минимум одно кольцо...

— Одна пара колец,— поправил Клеев.— Они функционируют только парами.

— Хорошо,— кивнула Артуа.— Еще одна пара колец. Кто ее контролирует?

— Может... на станции?

— Я спросила. Задала вопрос в лоб и получила странный ответ.

— Странный?

— Очень странный. Они испугались. Они попытались сделать вид, что все в порядке, что у них все под контролем, но я поняла — обгадились они изо всех сил. По уши.

Клеев снова усмехнулся, на этот раз недоверчиво.

– Не веришь, что они могли испугаться?

– Не верится, что *мы* можем их испугать.

– Я тоже не верила. Пока не увидела. Это очень забавное зрелище – обосравшиеся властители Земли.– Артуа посмотрела на часы.– У нас осталось мало времени. Нужно принимать решение.

– Что ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы мы нашли этого самого Алексея Горенко. Я хочу, чтобы мы нашли свободного агента с позывным «Гриф». Я хочу, чтобы мы выяснили, наконец, есть ли еще третья сила, кроме вас и нас, имеющая доступ к *братским* технологиям. И если есть – а я в этом уверена,– чего они хотят и как их можно использовать.– Мадам Артуа встала с кресла.– Все. Осталось около двух минут. Окружающие подумают, что мы с тобой уединялись по старой памяти...

Клеев попытался улыбнуться, но улыбка быстро погасла под ледяным взглядом Брюссельской Суки.

– Клиника была на вашей Территории. Гриф – ваш гражданин, кажется. Придумай, как, не привлекая внимания, начать их поиск.– Артуа подошла к сидящему в кресле Клееву, наклонилась.– Если ты хочешь выжить.

Герман Николаевич почувствовал аромат духов Брюссельской Суки, узнал их. Они были на ней в тот самый вечер... Умеет Сука подбирать парфюмерию...

– И еще,– прошептала мадам Артуа, наклоняясь почти к самому лицу Клеева.– Я так давно хотела... Так давно...

Пощечина от Катрин Артуа чуть не отправила Клеева в нокаут. Перед глазами полыхнули звезды, рот наполнился металлическим привкусом.

– Ненавижу,– сказала Артуа, потеряла, поморщившись, правую ладонь о свои брюки и вышла из комнаты.

Через три минуты из комнаты вышел Клеев, сплевывая кровь в белоснежный платок.

– А я, честно говоря, рассчитывал на порцию геронтопорно,– сказал один из обитателей космической станции, тот, которого за глаза знающие люди называли Младшим.– А они потрепались-потрепались и разошлись.

– Хотя, согласись, плюха была потрясающая,– сказал Старший.– Увидеть такую плюху – день прожит не зря. Чемпионка Брюсселя по теннису не растеряла бывшие навыки.

– И вредность характера – тоже,– закончил Младший.– Обосрались мы, видите ли! Ничего подобного. Да, было неприятно узнать такое. Но и все. Неприятно.

Он выключил *кадр*, развернул кресло так, чтобы видеть лицо Старшего. Он предпочитал видеть его лицо, когда разговор касался вещей неприятных. А разговор в принципе касался вещей неприятных. Или мог коснуться их в любую секунду.

– Ну...– протянул Старший.– Тут мне с тобой трудно спорить, с мадам общался ты лично, я как раз вышел по нужде... Хотя... В ее словах тоже может быть правда. Когда я вернулся, ты был слегка бледным и немного напряженным. Нет?

– Нет.

– Может быть, может быть. Мадам, конечно, не сдержанная на язык сука, но далеко не дура. Ой, не дура... И если ее заинтересовал этот самый капитан Горенко, то и нам стоило бы взглянуть на него. Пообщаться. У нас с тобой сузился круг общения, ты не заметил? – Старший извлек откуда-то из-за кресла бутылку, отвинтил крышку, сделал два глотка прямо из горлышка и, не предлагая собеседнику, спрятал на место.

Младший промолчал.

– Нет, действительно, с кем мы общались в течение последнего месяца? Друг с другом? С «пауками» по радио?

– Это не радио,– сказал Младший.

– Оставь это, – брезгливо отмахнулся Старший. – Передается по воздуху, без приемника не видно – значит, радио. Я, во-первых, не собираюсь замораживать себе голову новыми словечками, а во-вторых... о чем это я?

– О склерозе, – буркнул Младший. – И о том, что страшно узок наш круг...

– Да. Узок. Ладно, я человек уже пожилой, могу обходиться без женщины достаточно долго... Но ты... Хочешь, закажем для тебя парочку толковых девочек?

– «Пауков» попросишь? – осведомился Младший. – Клеева или Суку? Они нам помогут. И триппер будет не самым страшным сюрпризом. Мы с тобой так и не выяснили, что делал «паук» в группе Ильина. Или это только я не выяснил?

Старший улыбнулся. Несколько снисходительно, на вкус Младшего, но тут выбирать не приходилось.

– Это ты его туда послал?

– Я, – кивнул Старший.

– И зачем, позволь узнать.

– Ты сам не понимаешь? В Клинике было так много интересных людей, так много знавших и видевших... Я же не подозревал, что журналисты все пишут и готовы передать свои записи властям. Вот и подстраховался тогда. И если бы не странная выходка свободного агента, номер лицензии три ноля пять, позывной «Гриф», нам не пришлось бы срочно эвакуировать кольцо из здания СИА и договариваться с этими самыми журналистами...

– Просто приказать «паукам»...

Старший промолчал, только еле заметно пожал плечами. Младшему не нужно возражать. Младшему просто нужно дать возможность самому понять, какую глупость он только что сморозил.

Младший понял.

На скулах проступили красные пятна, кулаки сжались... и все. Взрослеет мальчик, подумал Старший. Скоро попытается вцепиться в глотку.

– «Пауки» должны знать только то, что им нужно знать. Не более того. И не стоит внушать им мысль, что без них нам уже и обратиться не к кому. – Старший придал голосу самую нейтральную окраску.

Просто воспроизвел информацию.

А Младший ее просто воспринял. Когда вынужден делить более десяти лет небольшое пространство станции с одним человеком, приходится держать себя в руках. Особенно если собственная жизнь зависит от его жизни.

Если бы не это...

Интересная могла получиться потасовка на орбите.

– Мы бы заполучили Горенко, – Старший загнул палец на правой руке, – раз. Вывели бы из игры журналистов, если уж отпала в них надобность, – два. Ну и взяли бы Грифа...

– Ничего не напутал? – осведомился Младший. – Грифа бы взяли? Ты в это веришь даже после того, как все это произошло?

– А что произошло? Что-то уничтожило пусковые установки...

– Что-то или кто-то!

– Что-то уничтожило пусковые установки, – с нажимом повторил Старший. – Возможно, к этому причастен Гриф...

Младший хмыкнул.

– Возможно. Мы не знаем этого наверняка. И, надеюсь, этого наверняка не знает и сам Гриф. Скорее всего, не знает. Он сейчас очень занят лечением девушки.

– Он ее не сможет вылечить, ты же прекрасно это знаешь.

– Он не мог уничтожить на расстоянии те ракетные установки, это знали мы оба. И тем не менее...

Старший и Младший помолчали.

Перед ними развернулась кадропроекция – дворец, широкая лестница, ведущая к морю, каменные львы у крыльца и Гриф, стоящий на ступенях. Рядом с ним стояла девушка.

– Два-три приступа в день, – сказал Старший. – Гриф перевернул в Сети все, что касается ее болезни. Попытался добраться до архивов Клиники, до Закрытой базы данных...

– Попытался? – удивился Младший. – С его способностями?

– Какими способностями? – очень искренне удивился Старший. – Какие у него способности? Хорошая реакция, неплохое здоровье, интеллект выше среднего, но далеко не гений... Имеет приоритетный Допуск... Пока. Пока прогрессивное человечество, ознакомившись с материалами нового Нюрнбергского процесса, не примет решение... или – как там предлагали наши писаксы? – не пересмотрит свое отношение к проблеме Территорий. Какие у него способности?

Гриф что-то сказал девушке. Та кивнула и медленно пошла по ступеням вниз, к морю. Гриф вошел во дворец.

Младший протянул руку к кадропроекции – изображение увеличилось. Девушка шла не торопясь. В правой руке она держала книгу. Старшему показалось, что сейчас Младший будет рассматривать название книги, но кадр сместился в сторону, к кустам.

Листья и ветки стали прозрачными, открывая десяток чужекрыс, двигавшихся параллельно лестнице.

– Еще он умеет приказывать чужекрысам, – сказал Младший. – Не через эту самую хваленую систему «Контроль», а непосредственно. Так сказать, лично. И приказы он отдает, заметьте, достаточно сложные. Не охранять или уничтожать, а сопровождать конкретного человека, не показываясь ему на глаза... Между прочим, ты напрасно делаешь вид, что не помнишь, как психовали операторы «Контроля», когда чужекрысы испарились возле Клиники...

Старший помнил. Он просмотрел эту запись несколько раз.

Лицо оператора. Закрытые глаза, расслабленные мышцы. Нейрозонды вошли в виски. Рядом второй оператор, дублирующий. Обе женщины сидят спокойно.

На лицах даже умиротворение.

Чужекрысы атакуют поезд – лица неподвижны. Чужекрысы рвут тела пилотов сбитого вертолета. Операторов это не волнует. Они знают, что должны делать. И делают это.

Вдруг по телам операторов одновременно пробегает судорога. Нейрозонды напряглись, обретая упругость стали.

Одна из женщин захрипела и забилась в припадке. Из полуоткрытого рта потекла пена. Пальцы заскребли по подлокотникам кресла.

Вторая кричит. Долго и протяжно. Глаза ее открыты, лицо искажено, словно болью... или ужасом. Непереносимым и необъятным. Ее правая рука медленно отрывается от подлокотника, тянется к виску... Тянется-тянется-тянется... Пальцы касаются нейрозонда.

Глаза у женщины пусты. Она не понимает, что делает. Ей больно, и она хочет избавиться от этой боли. Очень хочет.

Рука сжимается, захватывает упругую нить нейрозонда... Рывок. Пальцы соскальзывают, нить режет кожу, появляется кровь, но женщина этого не замечает, она снова пытается вырвать нейрозонд из своего мозга... снова и снова... кричит-кричит-кричит... пальцы изранены... капли крови стекают от виска по щеке...

Обе женщины замирают.

Шок у женщин длился пятьдесят семь секунд. Ровно столько же исчезали чужекрысы возле Адаптационной клиники. Все это происходило одновременно, Старший проверял.

Было ли одно причиной другого? Этого Старший не знал. И не догадывался. Не догадывался из-за всех сил.

Наверное, он не хотел признаться себе в этом. Не хотел бояться. Не хотел признаться себе, что этот тридцатилетний мужчина внушает ему – Ему – самый настоящий страх.

Как змея, которая внезапно оказывается в двух шагах от тебя, которая не торопясь скользит между камней в сторону, но ты замер, боишься шелохнуться, чтобы не привлечь к себе внимания...

Ты уже шарить вокруг себя в поисках палки, чтобы убить змею... убить не потому, что она тебе угрожала, а только за то, что ты ее испугался. За свой собственный страх.

Девушка в кадропроекции подошла к скамейке, села и раскрыла книгу. Ветер с моря рванул страницы, девушка подняла воротник плаща, и, словно увидев это, из дворца вышел Гриф, сбежал по ступенькам и укрыл девушку пледом.

– Просто идиллия, – прокомментировал Младший. – И так – целый месяц.

– И еще с полгода, – сказал Старший. – Потом девушка начнет умирать. И будет умирать еще два-два с половиной месяца. Нехорошо умирать. И Грифу нужно будет понять – хочет он за этим наблюдать или гуманнее будет дворняжку усыпить... А пока – он занят. И это совсем неплохо! У нас много разных дел...

Гриф замер, неуверенно оглянулся, словно пытаясь что-то рассмотреть в небе над собой.

Старший торопливо убрал кадропроецию. Хотел сделать это небрежным жестом, а получилось суетливо как-то. Не попал по значку выключения, зацепил значок увеличения кадра – фигуры Грифа и девушки стали расти, заполняя собой помещение, закрывая Землю за окном.

На мгновение показалось, что потолок не выдержит напора, лопнет, выбросит в космос замерзающий воздух и тела...

Кадропроецию выключил Младший. Искоса глянул на дрожащие руки Старшего и отвернулся.

– Может, его просто убить... – тихо сказал Старший.

– Думаешь, это будет так просто? – спросил Младший. – И как на это отреагируют?

– Не знаю, – подумав, признался Старший. – Автоматический режим управления всем процессом пока не давал сбоев, но...

Старший не договорил. Младший не спросил. Они оба понимали, что в любой момент может начаться завершающая стадия. С большой буквы – Завершающая Стадия.

– В Москву прибыл Полномочный представитель Великого государства Гавайи, – сказал Младший после тягостной паузы. – И ожидается прибытие Председателя Госсовета Аляски. Будем что-то решать или пусть в Москве разбираются сами?

А разбираться в общем-то было и нечего. Полномочный представитель Гавайев уже успел заявить журналистам, что раз уж выяснилось, что нет никаких инопланетян (представитель произносил это слово с особым вкусом и нажимом: не «Братьев» – хватит позориться и лгать, – а именно «инопланетян») ... Раз уж нет никаких инопланетян, то нужно разобраться: кто именно виноват в Американском Холокосте. Европейцы? Тогда пусть они выплачивают компенсации всем пострадавшим, семьям пострадавших, родственникам пострадавших... Великому государству Гавайи, в конце концов.

Председатель Госсовета Аляски высказывался в том же духе. Они даже попытались выработать общие требования, но не сошлись в порядке выплат и их объеме.

Посему каждый выдвинул свои требования. Имели право, в конце концов.

Их приняли одновременно, внимательно выслушали их обращения в алфавитном порядке: сначала Аляска, потом Гавайи, чтоб без обид. И вручили обоим письменные ответы, подготовленные заранее.

Произошла маленькая накладка. Кто-то из чиновников перепутал, и Полномочному представителю Великого государства Гавайи вручили документ, адресованный Госсовету Аляски, а Председателю Госсовета соответственно бумажку, предназначавшуюся Гавайям.

Первым это заметил гаваец и попытался сунуть папочку назад.

Почти целые сутки в Сети самым популярным был кадр с представителем российского МИДа. Вернее, с его потрясающим ответом на происки политиков Постамериканских государств.

– ...Что? Не та папка? Ну обменяетесь за дверью!

И никто не стал извиняться. С чего бы это? Тоже – проблема! Постамериканцы в очередной раз облизнутся и успокоятся. Они бы еще потребовали у мусульманских стран штраф за вырезанные дипломатические представительства. И не только у мусульманских.

Когда десять лет назад стало понятно, что Соединенных Штатов больше нет, американцы, дипломаты и туристы, уцелели далеко не во всех странах мира.

Погибли все космические спутники, рухнул Интернет, вспыхнули эпидемии и исчезло с лица Земли несколько городов – ну как здесь было не припомнить янки всего, накопившегося за десятилетия!

И припомнили.

А вступить и защитить... Не было ни у кого времени, у всех свои проблемы. Вот повесить удачно подвернувшегося американца – время находилось, несмотря ни на что.

На Востоке предпочитали забить камнями. На Дальнем Востоке... Японцы вежливо попросили всех американских друзей быстренько убраться с территории великой Ниппон.

Южные корейцы поступили изящно и просто: американским солдатам было предложено либо убираться, либо принимать южнокорейское гражданство и нести службу на тридцать восьмой параллели.

В Африке... Что именно происходило в Африке, никто даже разбираться не стал. Белые просто исчезли. Совсем.

Обидно, конечно, но ничего не поделаешь.

Если у тебя есть кулак – можешь стучать им о стол. Или о рожу обидчика. Если кулака нет...

Вот у Китая кулак был. Мозги тоже были, поэтому, убедившись, что *братские* технологии достались России и Европе, китайцы не стали выяснять, насколько эффективно эти технологии могут использоваться в войне, а по старой доброй традиции занялись внутренними делами. Тайванем, например.

А вот когда вдруг оказалось, что нет никаких Братьев... Похоже, нет никаких Братьев... Возможно, нет никаких Братьев... Тут Китай осторожно намекнул России, что был бы не прочь немного получить из европейского наследия.

Самую малость.

Китай не стал стучать кулаком. Не стал подтягивать к границе танковых дивизий или мобилизовывать армию.

Китайское руководство связалось с российским руководством. Но на эту беседу журналистов не допустили.

В принципе журналистов уже давно не допускали на сколько-нибудь значимые мероприятия. Достаточно того, что аккредитованным СМИ разрешали дистанционно использовать на них свои камеры, тщательно проверенные и хранящиеся в пресс-службе Правительства России.

Это очень повышало безопасность мероприятий и практически не ограничивало право народа на информацию.

И не ограничивало право операторов на идиотизм, решил Евгений Касеев после просмотра сырого кадра.

Казалось бы – чего проще. Размести камеры, наметь пару-тройку основных и дополнительных точек кадротформирования, выстави звук – и работай.

В смысле – следи за съемкой.

Максим Зудин, новый оператор Касеева, съемку почти запарол. То есть, если бы этот кадр не был особо нужен, его просто выбросили бы в корзину.

Но у Сетевого Информационного Агентства была своя особенная гордость, требовавшая собственных кадров по наиболее важным событиям в мире. И Касееву пришлось сидеть в монтажной уже третий час, пытаюсь соорудить из сырого нечто удобоваримое.

Каждый нормальный оператор перед установкой кадра должен выставить его границы. Каждый нормальный, формируя кадр в помещении, задает границы по стенам помещения, а не ставит на автоматику.

Забыл, сказал Зудин.

Касеева оттащили монтажеры, не дав совершить акт членовредительства. Зудин вылетел из монтажной, монтажеры угостили Касеева коньяком и не стали задавать идиотский вопрос.

Главный идиотский вопрос ноября, на который Касеев задолбался уже отвечать.

Объяснять каждому, почему он перестал работать с Пфайфером, Касеев не мог. Не мог и не хотел. Даже с самим собой он предпочитал не обсуждать этого.

Четыре года совместной работы, зачастую в очень вредных для здоровья местах. Три совместные поездки на Территории. Две творческие премии, честно поделенные на двоих.

Я больше не работаю с Пфайфером, сказал Касеев новому Главному.

Новый Главный как раз зачитал Касееву приказ о назначении его, Касеева, за высокий профессионализм и гражданское мужество редактором отдела новостей, спросил, есть ли у Касеева пожелания...

Я больше не работаю с Пфайфером, сказал Касеев. И Новый Главный сказал – хорошо.

Генрих Францевич остался в отделе аналитики, и они ни разу больше с ним не разговаривали.

Почему, спрашивали Касеева. Мое дело, отвечал Касеев. Может, помириться, говорили Касееву. Нет, отвечал Касеев. К чертовой матери, отвечал Касеев. Отцепитесь, отвечал Касеев.

Монтажеры вопроса не задавали. Они, как могли, помогали Касееву.

Граница кадра плавала, то отсекая куски туловищ у персонажей, то неожиданно выплевывая из себя их руки и ноги.

Вот внезапно из воздуха появляется рука с папкой. Потом исчезает. Потом появляется снова.

Чиновник из МИДа поворачивается в сторону, делает полшага и теряет половину туловища. При этом улыбается половиной рта. А срез переливается всеми цветами радуги.

Нужно маркировать габариты персонажа и наращивать тело через машину. А все это – время, время, время...

Что у вас произошло с Пфайфером?

Ничего с Пфайфером не произошло. Просто Генрих Францевич, как оказалось, все еще мечтал о карьере. В его-то возрасте!

Касеев так патетически пообещал Грифу...

– Мы никому ничего не расскажем! О том, что видели... Не выдадим...

Пфайфер, нужно отдать ему должное, промолчал, а Касеев искренне полагал, что сможет, что нужно...

Гриф тогда сказал правду, он прекрасно знал, что времена молчания на допросах прошли и от желания или нежелания Касеева говорить ничего не зависит.

На допросе... на «беседе», как называл ее вежливый человечек в белом халате, Касеев просто не мог молчать.

Его выворачивало от желания поделиться впечатлениями, рассказать о пережитом... говорить, говорить, говорить...

Химия это была или что-то еще – Евгений Касеев не знал. Понимал, что сейчас его заставляют говорить, что из него выдавливают информацию, но ничего больше в жизни он не хотел так, как отвечать на вопросы человечка.

Никто не мог бы отмолчаться.

Но Пфайфер умудрился перевыполнить план.

Он ведь снимал, как оказалось, все происходившее в Клинике! В кофре, который ему передал тогда капитан, не было сетевого адаптера, но была микрокамера.

Пфайфер тогда ничего не сказал Касееву. Пфайфер просто запечатлел все, происходившее с ними и вокруг них. И сам, добровольно, передал отснятое компетентным органам.

Они сидели в операторской и приходили в себя. Пытались поверить в то, что все закончилось.

Это нужно было переварить. Все это. И шаг сквозь кольцо тоже нужно было переварить. И то, что второе такое же кольцо находилось в подвале их родного Агентства и что один шаг перебросил их на несколько сотен километров и...

Здание пострадало не сильно. Разве что вестибюль был разгромлен, куски бетона и мертвые тела были перемешаны и залиты кровью. Сустились люди, с оружием и без, в бронекостюмах и в рваном гражданском.

На площади перед СИА дымил танк Территориальных войск. Ствол пушки продолжал пылиться на здание застывшим зрачком, возле стены торгового центра лежал скомканный вертолет Патруля, что-то грохотало за домами...

– Какой кадр! – сказал Касеев.

– Работаем, – сказал Пфайфер.

Он успел уже заскочить в техотдел и взять комплект из резерва. Две камеры взлетели над головой Касеева, давая панораму, одна пошла по расширяющейся спирали вверх, а вторая зависла перед Касеевым.

– Давай, – беззвучно шевельнул губами Пфайфер.

– Я пока не знаю, что именно здесь произошло, – сказал Касеев, глядя в кадроприемник.

Именно эта фраза потрясла зрителей. Глупая, нелепая фраза вдруг отозвалась, зацепила всех. Люди не знали, что здесь произошло. А Касеев был одним из них – растрепанный, в спортивном костюме, со страхом и удивлением рассматривающий все, что было перед зданием СИА и в нем.

Потом появился какой-то паренек, лет семнадцати, с автоматом в руке, и потребовал, чтобы корреспонденты вошли в здание.

– Тут еще могут стрелять, – сказал паренек. – Артем Лукич велел, чтобы тут не маячили, мало ли что.

Они вернулись в здание, к ним подошел мужик лет сорока, в форменной милицейской рубашке, но без погон. В руке у него был пистолет, и мужик, разговаривая с Касеевым, все время пытался пистолет этот куда-то пристроить: в карман брюк, за пояс – словно мешал этот самый пистолет мужику жить, оттягивал руки или даже жег их.

Мужика звали Артемом Лукичом Николаевым, был он в звании старшего лейтенанта милиции и в должности участкового инспектора.

– Артем Лукич, вы, как я понял, возглавили оборону здания.

– Я?

– Ну да, вы. Мне сказали так...

– Сказали... Ну, раз сказали.

– И еще мне сказали, что это вы произвели арест сотрудников спецслужб, которые, возможно, причастны к тому, что здесь произошло.

– Это...

– Арестовали?

– Их порвали бы в клочья, если бы... ну... пришлось. Потом уже выяснили, что Лешка...

– Какой Лешка?

– Старший лейтенант, Лешка Трошин. Он смог технику разблокировать...

– Какую технику?

– Ну, пушки все эти... Не все, только две, но смог, значит, остальные точки уничтожить...

– Какие точки? Чьи?

– Свои. Они их поставили еще с утра, когда еще все не началось. Поставили, подключили, а когда первый раз рвануло, замкнуло что-то в цепи... или еще где... вроде кто-то управление на себя перехватил... Лешка с ребятами смог, значит, две пушки переключить, ну и... Вот он и защищал здание.

– Но вы его арестовали?

– Арестовал.

– И он потом оборонял здание?

– Конечно.

– А вы вначале здание штурмовали...

– Какой там штурм...

– Потом арестовали двадцать четыре военнослужащих спецподразделения...

– Это...

– Да или нет?

– Да.

– И потом вместе с ними...

– Слушайте, некогда мне. Нужно успеть бумаги подготовить, рапорт, а то потом домой не попаду до утра. Жена волноваться будет... бабы наши, деревенские, опять же, за сынов...

Простой герой из народа, который и сам не понял, что совершил. Это был второй гвоздь репортажа Евгения Касеева. Участковый инспектор и мальчишки, которых он привез в город для посещения музея.

– В целях патриотического, значит, и правового воспитания, – сказал Николаев, и больше поймать его в кадр до появления официальных лиц не удалось.

Участкового потом даже, кажется, наградили орденом. Касеев это из виду как-то упустил. Не до того было.

Два дня допросов. С Пфайфером их держали отдельно, в одиночных камерах, допрашивали с утра и до вечера, делая перерывы на еду и осмотр врачей. У Касеева снова начали болеть глаза, пришлось сделать к середине второго дня перерыв на обработку.

А потом посадили Касеева перед кадропроектором и попросили прокомментировать происходящее. Вот тогда Касеев узнал о том, что Пфайфер снимал все. И не просто снимал.

Касееву даже показали кадр, на котором Генрих Францевич просит принять от него запись. Выполняя свой гражданский долг, сказал Пфайфер.

Сука, подумал Касеев.

А потом, когда человечек в белом халате спросил, что именно думает Евгений о поступке Генриха Францевича, Касеев повторил это слово вслух.

– Вы не желаете сотрудничать с властями? – спросил человечек.

– Нет! – радостно сообщил ему Касеев.

– «Нет» – желаете или «нет» – не желаете? – уточнил человечек.

– Нет – не желаю.– Восторг от возможности говорить правду переполнял душу Касеева.– Не желаю!

– Ну и ладненько,– сказал человечек.

Ночью второго дня состоялся последний разговор. Человечек снял для разнообразия белый халат и оказался в сером твидовом костюме с замшевыми клапанами на локтях.

Человечек, к маслянистой улыбке которого Касеев уже успел почти привыкнуть за два дня, улыбаться перестал.

Собственно, разговор получился короткий.

Вначале Касееву стало очень больно. Очень-очень больно. Касеев закричал, и боль немного утихла. Ровно настолько, чтобы Касеев смог услышать и понять слова человечка.

– Вы мне очень не нравитесь, Евгений,– сказал человечек.– Но дело даже не в этом. Дело совсем в другом. Дело в том, что после травмы во время железнодорожной катастрофы у вас появились некоторые видения.

Человечек протянул руку и осторожно, словно боясь обжечься, дотронулся указательным пальцем до лба Касеева.

– Вот здесь. Вам привиделись какие-то солдаты возле железнодорожной платформы, пролет Корабля... Привиделось! Вы это понимаете?

Касеев хотел ответить «нет», но не смог. Никто не смог бы говорить при такой боли.

Человечек достал из кармана пиджака серо-зеленую коробочку, показал ее Касееву, словно хвастаясь.

– Это всего лишь пульт управления,– сказал человечек.– Его можно было бы сделать намного меньше и незаметнее, но тут особо важно, чтобы вы видели, как я нажимаю на кнопку. На вот эту большую красную кнопку. Вот так!

Касеев снова закричал. В фильмах положительные персонажи обычно героически переносят боль. Женя Касеев долгое время был уверен, что сможет так же терпеть.

Но такую боль терпеть молча нельзя. Даже в голову не приходит сдержать крик.

Больно.

– Вы ничего этого не видели,– голос у человечка был ленивый и вялый.– В Клинике – другое дело. Там все вы запомнили правильно. А потом вас на вертолете перебросили к СИА. Патруль перебросил. Вертолет сбили. Вы видели его на площади. Вертолет, а не кольцо. Не было никакого кольца. И нет никакого кольца – ни в Клинике, ни в СИА. Вам все понятно?

И Касеев ответил.

Понятно, ответил Касеев.

А кольца в СИА действительно не было. Женька специально проверил. Комнатка в подвале была. Пустая. С голыми бетонными стенами.

Касеев спустился посмотреть, потом поднялся в редакцию, и ему позвонили.

– Ну, и зачем было проверять? – сказал знакомый голос.– Вы же все поняли.

– Понял,– сказал Касеев.

– Вот и прекрасно,– обрадовался голос.– А я тут посмотрел ваш старый забракованный материал о проституции на Территориях... Вы талантливый журналист. Думаю, новое руководство Сетевого Информационного Агентства обязательно поставит материал в ближайший выпуск. И без премии этот материал, скорее всего, не останется.

Касеев молчал.

– Да, похоже, нет у вас настроения болтать по телефону,– сказал голос.– Ну, до связи.

Касеев не разбил телефон. Касеев ушел домой и напился. Утром пришел на работу, был вызван к Новому Главному и произведен в редакторы отдела новостей.

И не смог даже сам себе ответить, почему сказал:

– Я больше не работаю с Пфайфером.

– Женья,– позвал один из монтажеров.– Женья!

Касеев вздрогнул и оглянулся.

– Ты иди, наверное, Женья,– сказал монтажер.– Мы тут уже все поняли, ничего творческого тут уже не осталось. Тупо – тесать и клеить. К восьмичасовому выпуску успеем все выложить. А ты езжай домой, отдохни. Вторые сутки в редакции.

Вторые сутки, вспомнил Касеев.

Точно – вторые сутки. Вчера засиделся в архиве почти до утра, пытаясь накопать хоть какие-то картинки о Братьях.

Передремнул пару часов в приемной на диване, потом правил материалы, потом сел за этот монтаж...

Касеев просто не хотел идти домой. Не хотел выходить из здания СИА. Боялся, что ли...

Тут все было более-менее привычным и настоящим. А там, за стенами...

У вас возникли видения, Женья! После железнодорожной катастрофы. Видения.

Видения, подумал Касеев. Обидно, подумал Касеев. Он не думал, что все произойдет так быстро, до обидного быстро.

Всего две недели близкого общения с Зеленой крошкой.

Касеев посмотрел на свою руку. На кончики пальцев – указательного и большого. На самом деле они не зеленые.

Нет, они не зеленые. Он тщательно моет руки после... После *этого*. Да и делал он это почти двое суток назад. Смог выдержать целых двое суток.

Сволочь все-таки капитан Горенко. Какая сволочь!

Оставил подарок.

Зеленый порошок сыплется на руку Касеева. Всего щепотка.

И ту потом отобрали при допросе. И целых две недели после этого Касеев не вспоминал о зеленом порошке.

Потом неожиданно для себя зашел в «Лавку артефактов».

Ее потом закрыли, через неделю, когда началась организованная борьба с *братскими* настроениями. Но тогда лавочка была еще открыта, а ее владелец, Михаил Соломонович, не стал задавать вопросов, когда Касеев попросил капсулу с Зеленой крошкой.

Он даже сделал скидку Касееву, как старому знакомому и журналисту.

Когда-то Касеев курил травку. Особого впечатления это на него не произвело.

Пилуля, купленная для эксперимента в клубе, вызвала на утро дикое расстройство желудка и головную боль.

Сутки Касеев к Зеленой крошке не прикасался. Думал о ней, прикидывал, как это будет, думал – зачем, пытался понять, чего это ему вдруг так захотелось...

Сутки.

Вечером следующего дня расстелил постель, лег. Открыл капсулу и высыпал на ладонь несколько крупинок. Комочки зеленой пыли. Мельчайших кристалликов.

Комочки легко рассыпались между пальцами. Касеев поднес зеленую пыль к лицу, затаил дыхание.

Какого черта, подумал Касеев и глубоко вдохнул.

Ему хватало одной дозы в день. Через две недели оказалось, что он не может без этого обходиться.

Нет, его не ломает, не бьет. Он просто знает, что так нужно. Знает, что без этого он теперь не сможет понимать, где настоящий мир, а где только видения. И ради этого он готов на все.

Касеев вышел из СИА, сел в редакционную машину.

– Домой? – спросил водитель.

– Домой,– сказал Касеев.

Пальцы его правой руки, большой и указательный, терлись друг о друга, словно растирая невидимый порошок.

Машина свернула на проспект, потом ушла вправо, по Садовой,— навигатор предупредил о пробке и вывел на лобовое стекло новый маршрут.

Новый маршрут на эти сутки избрала и космическая станция. На всякий случай. Это входило в программу маскировки и безопасности.

Нынешние обитатели станции всегда уделяли большое внимание безопасности и маскировке...

Герман Николаевич Клеев был вынужден прибегнуть к маскировке и макияжу из чисто протокольных соображений. Нехорошо было встречаться с представителем Китайской Народной Республики, имея синяк во всю щеку...

Алексею Трошину было глубоко наплевать на синяк на скуле. На территории спецлагеря на такие мелочи внимания не обращали. Главное, чтобы охраняемый контингент не пытался приблизиться к периметру безопасности.

А то, что территориалы попытались поставить на место Патруль,— сугубо внутренне дело Патруля и территориалов. Как и то, что Патруль на место становиться отказался и, несмотря на численное превосходство противника, обеспечил себе право пользоваться ближним сортиром, а не тем, что был на другом конце лагеря.

Сколько еще времени придется проторчать в бараках — не знал никто. Суда еще не было, и сроков его никто не называл.

До него еще нужно дожить.

Глава 2

Какое выдалось утро! Замечательное выдалось утро! Просто прекрасное. И черт с ним, дождем за окном. Он – за окном. А Ильин – дома, в теплой постели.

В своей теплой постели.

Это вам не комфортабельные апартаменты в следственном изоляторе. Это – собственная комната в собственной квартире.

Хорошо!

Должно быть хорошо.

Он месяц не был у себя дома. Месяц, который у него украли. И не просто месяц, а месяц его отпуска.

Наверное, можно огорчиться, отстраненно подумал Ильин и не огорчился. Взялся отпуск неизвестно откуда, неизвестно куда ушел.

Хо-ро-шо! Очень хорошо. И главное что? Правильно, главное – совершенно не хочется искать Грифа.

То есть – совершенно. Ильин помнил, что еще вчера просто готов был биться головой о стену, преодолевать препоны и рыскать в джунглях и пустыне, а сегодня...

Если не думать о вчерашнем посетителе – совсем хорошо.

Должно, просто обязано быть хорошо. Если повторять это «хорошо» каждую минуту, то, наверное, в это можно будет поверить.

Или сойти с ума.

Ильин осторожно потрогал свой подбородок. Рука скользнула к горлу. Щетина. Он уже два дня не брился и зарос.

Щетина росла у Ильина очень быстро, приходилось бриться ежедневно, а если вечером, после службы, намечалось свидание, то и дважды.

Под пальцами была щетина и не было никакой нити. И раны не было на том месте, куда она вошла в плоть Ильина.

Борясь с тошнотой, Ильин резко сел на постели. Потер виски.

Вчера...

«Паук». Нить. Словно ток пробежал по телу Ильина. Искра метнулась от клетки к клетке, пережигая связи, парализуя тело и вызывая тошнотворное ощущение бессилия.

Здравствуй, крутой майор.

Ильину показалось, что нить шевельнулась, поудобнее устраиваясь у него в мозгу.

Хоть кивнул бы.

Ильин с ужасом почувствовал, как тело напряглось, дернулось и голова качнулась вперед.

– Страшно? – спросил «паук». – Не отвечай, не нужно...

На лице «паука» расплылась удовлетворенная улыбка. «Пауку» нравилось все происходящее.

– Я бы тебя, майор, просто спалил бы. Честно. Полсекунды – и у тебя в мозгах перегорели бы предохранители. И все твои мысли, желания и воспоминания сплавилась бы в одну кучу. В комок. Такой скользкий на ощупь... я бы сказал – «склизкий». Очень точное слово. Можно я присяду на диван у тебя в комнате?

И снова Ильин кивнул.

И снова «паук» усмехнулся.

Они прошли в комнату.

«Паук» сел на диван слева, указал Ильину на правую сторону. Ильин послушно сел.

– Да, так о чем я? – «Паук» провел ладонью по своему лбу, словно вспоминая. – Ах, да! Комок... Понимаешь, человеческий мозг на ощупь – прохладная пульсирующая масса. Если

щупать нитью, как ты, наверное, понимаешь. Рукой – кровь, грязь, я проверял. Решил однажды сравнить ощущения. Попросил одного парня одолжить на время его мозг... Головой о камень. Вышло только с третьей попытки. С разгона. И я получил сразу несколько уроков...

«Паук» посмотрел на свои ладони.

– Урок первый: я узнал, что умирающий мозг – штука не слишком приятная. Есть пара забавных ощущений в самом начале угасания... легкие сполохи... Не исключено, что это вся жизнь проходит перед глазами уходящего. Но в остальном...– «паук» покачал головой, цокая языком,– для нити – мозг расплзается, превращается в гниющую мякоть. А для пальцев – жижа, мерзость...

«Паук» вытер ладонь о покрывало на диване.

– Урок второй: гораздо забавней человека подвешивать на нить. И водить его на поводке... На нити такие ощущения своеобразные образуются! Почти оргазм. Круче этого только настоящий оргазм с подвешенной на нить женщиной. Срабатывает еще и обратная связь... Хотя, с другой стороны, все это немного напоминает онанизм. Женщина используется как...– «Паук» пошевелил пальцами, подыскивая сравнение, потом махнул рукой.– Но я не об этом. Я ведь к тебе по делу пришел.

Помнишь нашу прошлую встречу? – спросил «паук».– Помнишь, вижу. Мне не нужен детектор лжи и все эти прибамбасы к молекулярному зонду. Я сам себе молекулярный зонд. Когда ты отвечаешь правду... или только хочешь ответить правду, у тебя в мозгу появляется такой очажок тепла. А если врешь – холодная точка. Вот я тебя сейчас спросил о нашей последней встрече и ощутил тепло. Даже почти жар. Встреча произвела на тебя огромное впечатление.

Так вот, расстались мы не слишком хорошо. Не знаю, что именно ты тогда подумал, но будь моя воля... Если бы я тогда решал... тогда и сейчас... Нить такие перспективы открывает в этом смысле... Потрясающие перспективы. Тебе может быть так больно...

Или можно разделить твое сознание на пару частей – на дебила и на тебя, майора Ильина. Ты будешь все осознавать и чувствовать, а телом будет управлять дебил. Мне коллега подсказал, он такое уже проделывал, говорит – забавно... Говорил.

С лица «паука» сползло выражение брезгливости, взгляд стал жестким и злым.

– Ты его убил, Ильин. В торпеде. И меня очень интересует, как тебе это удалось. Я мог бы тебе рассказывать, что очень переживаю гибель друга, изображать ярость и праведный гнев... Но не буду. У нас нет друзей. Есть я. Есть нить. И нам никто другой не нужен. Вместе, правда, безопасней. Вас, инвалидов, слишком много.

Представь себе – мы вас называем инвалидами. Такой сленг у нас получился. Я бы сказал – арго. Вы – инвалиды. Мы – «пауки». Пришлось придумать массу терминов для того, чего вы не можете даже ощутить.

Рассказывать тебе – все равно что объяснять слепому строение радуги: сколько ни пыжись, а только Жан-звонарь да охотник с фазаном получатся...

Ильин не ощущал ничего. Просто слушал. От него остались только слух и память. Диктофон остался от майора Ильина. И что-то отдаленно похожее на иронию.

Ироничный диктофон.

– Меня, конечно, интересует, как ты убил моего коллегу, но даже не это главное,– сказал «паук».– Ты будешь смеяться, но я пришел тебя спасти. Тебе, кстати, очень повезло, что ты явился домой, а не бросился пешком искать свободного агента Грифа.

Мы даже и не предполагали, что программа тебя так раскрутила. Думали, тебя просто хотят настроить, чтобы использовать постоянно, а оказалось, тебя должно было разнести в клочья, за ненадобностью...

У тебя в мозгу сейчас пульсирует крохотная точка. И твое сознание начинает пульсировать вместе с ней, подчиняется ритму. Еще несколько часов – сознание войдет в резонанс и,

как мост под сапогами взвода солдат, разрушится. Разлетится вдребезги. В огненные брызги праздничного фейерверка.

И вот я, вместо того чтобы насладиться праздничным зрелищем, должен пульсацию остановить. Не обидно, а?

Обидно,— тяжело вздохнул «паук».— Обидно, досадно, но ладно, как орал, бывало, на стадионе я в годы своей юности. Сейчас будет немного больно. В смысле, боль будет короткой, но очень силь...

В мозгу взорвалась граната. Сотня гранат разнесла Ильина на мелкие кровотокающие ошметки... и каждый клочок тоже взорвался... и каждая клетка тоже взорвалась... и молекулы... и атомы с электронами...

Прошла вечность, прежде чем Ильин почувствовал, что сидит на диване, сжавшись в комок и прижав руки к лицу. Сидит насквозь мокрый от пота, руки трясутся... все тело бьет мелкая дрожь...

И удовлетворенное выражение лица «паука».

— А теперь мы поговорим,— серьезно сказал «паук».— Кстати, майор, чайку не приготовишь?

— Мы...— Ильин напрягся, думая, что язык подчиняться не будет, но все было в порядке — тело слушалось.— Мы с тобой, сука, свиней вместе не пасли...

— Оп-па...— даже, кажется, удивился «паук».— Это вместо благодарности? Я же тебе, майор...

— Вам,— поправил майор.

Откуда-то из рукава «паука» медленно выползла нить. Ильин постарался ее не замечать. Ильин старался смотреть в глаза «пауку».

Хотел бы подвесить — уже подвесил бы, билось в мозгу. Хотел бы убить...

Нить была похожа на паутинку бабьим летом. Легкая, невесомая на вид, она летела к лицу Ильина, словно подгоняемая ветром. Легким теплым ветерком.

Не смотреть, приказал себе Ильин. Не смотреть!

Нить исчезла.

— А вы, майор, сложный человек,— покачал головой «паук».— Я имею в виду — в общении сложный. У вас, наверное, мало друзей.

— Не нужно меня жалеть,— тихо сказал Ильин.— Я очень хочу спать. Если что-то хотите сказать — говорите. Если просто прибыли спасти мне жизнь — до свидания. А еще лучше — прощайте.

— Я бы с удовольствием,— пожал плечами, как бы извиняясь, «паук».— Я уже говорил, что общение с вами не вызывает у меня особого восторга. Но...

«Паук» сунул руку во внутренний карман куртки, извлек официального вида конверт и бросил на диван.

— Меня это не интересует,— быстро сказал Ильин и даже спрятал руки за спину.— Я больше не хочу иметь ничего общего...

— А придется,— хмыкнул «паук».— Нам в любом случае придется общаться с вами, товарищ майор, долго и продуктивно.

— Разве что при помощи нити.

— Без нее. Вы нам нужны в качестве наемника, а не марионетки. Только не нужно посылать меня в жопу, как вы это делали с ни в чем не повинным дознавателем. Вы, кстати, очень однообразны в проявлении своих негативных эмоций. Наверное, привыкли их выражать рукопашно...— «Паук» сделал паузу, давая Ильину ответить, но тот промолчал.— И правильно молчите,— одобрил «паук»,— мы не должны иметь желаний там, где не имеем возможностей.

— Мне просто не о чем с вами говорить,— сказал Ильин.

Ильину жутко мешало это самое «выканье», которое он навязал «пауку». Очень неудобно посылать собеседника к свиньям собачьим, если обращаешься к нему на «вы».

– Вы месяц не смотрели телевизор,– сказал «паук».

– Мне было не до того.

– Вот именно. Не до того. Вместо того чтобы загнать вам в мозг молекулярный зонд и высосать досуха, вас закрывают на месяц, ведут какие-то беседы, задают неправильные вопросы... Вы ведь об этом и сами думали, признайтесь.

– Думал,– кивнул Ильин.

Чего тут притворяться, если и вправду думал.

– А если вас спасали? Предохраняли от разного рода неожиданностей и неприятностей? Не думали?

«Паук» встал с дивана, подошел к телевизору и поставил возле него небольшой, отливающий металлом кубик.

– Я с вашего разрешения воспользуюсь вашим телевизором. Я приготовил для вас подборочку особенно забавных кадров. Итак...

На экране старой ильинской «плазмы» возникло здание Патруля.

Улица затянута дымом – горит несколько легковых машин. С сотню людей топчется перед входом в здание Патруля, словно чего-то ожидая.

Картинка шла без комментариев, хотя значок СИА в углу экрана имел место. Просто сливали в Сеть картинку с автономной камеры.

Гудит пламя, что-то грохочет за кадром, ветер гонит черный дым на толпу, но люди не расходятся, только прикрывают лица.

Открылось окно на третьем этаже, камера сразу же дала крупный план. Это был коридор административного отдела – бухгалтерия и хозяйственники. Кто-то невидимый содрал с окна штору, в глубине мелькнуло, словно что-то раскачивали. Потом – бросили.

Тело кассира перелетело через подоконник и упало на асфальт. Люди вначале подались в стороны, потом один из них шагнул к упавшему, наклонился, проверяя, живой или нет.

Кассир поднял руку.

– Живой! – громко сказал кто-то в толпе.

Кассира подняли. Он закричал протяжно и тоскливо, как раненое животное.

– Повесить убийцу! – крикнул кто-то в толпе.

– Повесить! – подхватило несколько голосов, но веревки ни у кого не нашлось.

Несколько человек схватили кассира за руки и за ноги, подняли над головами и с силой ударили о тротуар.

Глухой влажный удар. И крик боли.

Еще раз подняли и бросили.

Удар. Хруст.

Люди расступились, и камера крупно показала разmozженную голову кассира.

Прозвище у кассира было Хомяк, они с Ильиным отчего-то недолюбливали друг друга раньше.

Ильин почувствовал, что задыхается.

Из окна выбросили следующее тело.

Ильин отвернулся.

– А ведь вас могли привезти сюда,– сказал «паук». – И отдать в руки разъяренного народа. Или привезти вот сюда...

Ильин снова посмотрел на экран.

Здание вокзала. Три сгоревших бронетранспортера, взорванный грузовик, несколько тел в армейском камуфляже выложены в ряд слева от входа.

Выбитые стекла, камни, стены вокзала покрыты следами от пуль и осколков. Пролом в стене на уровне второго этажа, похоже на попадание снаряда из танкового орудия.

Из здания вокзала солдаты вытолкали девять человек в бронекастюмах без шлемов. Отряд Алиева, узнал Ильин. Вторым справа к стене поставили самого Сашку Алиева. Руки у всех скованы за спиной, у обоих раненых – тоже.

Откуда-то слева, от управления железной дороги, выкатился бронетранспортер. Солдаты развернули людей Алиева лицом к стене, отошли.

БТР покрутил башней, словно принаравливаясь...

Эта картинка шла без звука, и, кроме хронометража, в левом нижнем углу ничто не указывало на ее происхождение.

Оперативная съемка.

Не меняя плана и ракурса, камера запечатлела пулеметную очередь, ключья бронекастюмов и человеческой плоти.

– Вас, конечно же, интересует, что случилось с вашими людьми? – голосом уличного зазывалы спросил «паук». – Им повезло как никому другому. Вмешались одновременно судьба и мент из захолустья. Обратите внимание.

Первым из здания Сетевого Информационного Агентства вывели Трошина, за ним еще двадцать три патрульных. Начали пристраивать к стене торгового центра напротив. Армейский капитан, командовавший процессом, что-то кричал, махал рукой – видно, торопился.

Десяток солдат выстроились перед линией патрульных, подняли оружие. Из здания СИА вдруг появился какой-то мужик лет сорока. Что-то сказал капитану – тот отмахнулся и повернулся к своим людям.

Мужик развернул капитана к себе, получил толчок в грудь, на ногах удержался, зацепил офицера за портупею и врезал справа. Капитана мотнуло, но мужик его удержал, снова притянул к себе и снова ударил.

Вот теперь капитан отлетел к расстрельной команде, чем и привлек ее внимание к происходящему.

Двое попытались поднять капитана на ноги, но тот висел у них на руках, безвольно запрокинув голову.

Мужик стоял перед солдатами и что-то говорил, резко рубя воздух ребром правой ладони.

Один из солдат передернул затвор, направил автомат на мужика, но вдруг замер. Потом медленно положил автомат на землю.

Его примеру последовали остальные. Даже капитана положили вместе с оружием на край тротуара.

Ильин не понял, что произошло, но потом камера отъехала назад, и стало видно, что за спиной мужика стоят десятка три семнадцати-восемнадцатилетних вооруженных мальчишек. У двух или трех – охотничьи ружья, у остальных – стволы, явно изъятые у патрульных.

– Ваши – немногие из Патруля, кто уцелели во время событий двадцать пятого октября в городе, – сказал «паук». – По стране в целом удалось обойтись без эксцессов, почти удалось, а у нас... Так ведь и кровь в таком количестве пролилась только у нас. Людей можно понять. Или вы даже об этом не знали? Тогда – небольшой экскурс.

Ильин смотрел телевизор молча.

Его лицо не дрогнуло во время выступления главного врача Адаптационной клиники, не изменило выражения, когда начались первые взрывы, когда техника Патруля вдруг открыла

огонь на поражение, когда Террвойска стали огнем вычищать улицы, а люди бежали от пулеметных очередей, пытаясь скрыться, тщетно прячась за машины, деревья...

Потом Террвойска сцепились с Патрулем возле СИА. Потом драка между ними расплзлась по всему городу. Потом в город вошли армейские части. Бои прекратились, и начались расстрелы.

И расправы возбужденных граждан над пойманными сотрудниками Патруля и территориями.

– Вы очень удачно отсутствовали в городе, – сказал «паук». – Тут еще неделю ловили спрятавшихся убийц и сатрапов, убеждали народ прекратить самосуды и наводили порядок. Комендантский час отменили на прошлой неделе, небольшие недоразумения еще возникают, но жизнь, в общем, вошла в обычное русло. Люди пытаются осознать, что же все-таки произошло двадцать пятого октября две тысячи семнадцатого года. И кто виноват. И что делать.

Ильин молчал.

– Вот вы молчите, а люди ждут ответов на свои вопросы. А слово «Братья» отныне не рекомендуется произносить в общественном месте, ибо имелись случаи, когда общественность, услышав это слово, да еще вкупе с «Существованием» и «Сближением», болтуна помяла. Насмерть.

– Что вы от меня хотите?

– Чаю. Для начала – чаю, пересохло в горле, пока я вам все это рассказывал. Потом, после чашечки чая, я вам изложу свои предложения. В принципе они очень простые: либо вы делаете то, что я вам скажу, либо народ... да тот же ваш сосед, Петр Алексеевич Нестеренко, тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения, узнает о том, что за стеной у него проживал кровавый наемит тех, кто прикрывал свои делишки сказками о Братьях... И вас, простите, убьет. Вы очень неудачно выйдете на лестничную клетку, позвоните в его дверь и будете стоять, пока он не проломит вам голову трехкилограммовой гантелью. Вы мне верите, что так и будет?

– Верю, – сказал Ильин.

– Вот, у нас наметились точки соприкосновения, – обрадовался «паук». – А если я вам скажу, что, согласившись, вы получите возможность встретиться со старшим лейтенантом Алексеем Трошиным и теми из ваших подчиненных, кто выжил... пока выжил? Есть о чем подумать. Есть?

Ильин подумал.

И, естественно, согласился.

Пора уже было привыкнуть соглашаться.

Не было у него выбора.

Ильин мог хорохориться, дерзить и пытаться сохранить независимый вид, но при этом прекрасно сознавать, что от него ничего не зависит. И не зависело.

Ничего!

И когда он просто выполнял приказы в Патруле...

Просто выполнял, подумал Ильин, и тошнота подступила к горлу.

Он убивал, выполняя приказы.

А если верить тем двоим на космической станции – не просто убивал, а вначале совершал преступление против Братьев, Существования и Сближения, а потом наказывал ни в чем не повинных людей за эти преступления.

Сам он этого не помнил. Двое со станции сказали, что его программировали в откровенной комнате. Допрашивали и программировали одновременно.

Осталось только понять, можно ли верить этим двоим.

«Паук» сказал – нельзя.

«Паук» сказал, что те двое пытались убить майора. Осталось только выяснить, можно ли верить «пауку»...

Можно хоть кому-то верить?

«Паук» показал замечательное кино: толпа разъяренных людей, разносящая здание Патруля и уничтожающая хозяйственных работников – только они остались в здании после объявления Готовности.

Толпа уничтожила всех, до кого дотянулась...

Откуда только обычные люди узнали, что под вывеской Технического Отдела патрульно-постовой службы скрывается Центр? Догадались? В суете и хаосе перестрелки и взрывов?

А внезапно появившиеся расстрельные команды, споро ставящие патрульных к стенке? Откуда такие бойкие капитаны и лейтенанты, готовые расстреливать всех подряд прямо под присмотром камер?

Кому верить?

И заодно... пустяковый вопрос: зачем жить? Потому что просто привык? И просто не хочется умирать?

Веский аргумент, подумал Ильин.

– Хорошо, – сказал вчера Ильин «пауку». – Я готов.

– И даже не спрашиваешь к чему? – еле заметно улыбнулся «паук».

Он все прекрасно понял. Ильин мог сколько угодно делать вид, но...

– Я готов внимательно выслушать ваше предложение, – с нажимом на «ваше» произнес Ильин.

Упрямство – последняя линия обороны проигравшего, говорил его отец.

На этой линии Ильин будет стоять насмерть.

– Да не предложение вы готовы выслушать, – сказал «паук». – Выполнить приказ. Беспрекословно, точно и в срок. Можете пока отдыхать, выспаться. Конверт вскрыете до сна или после – не суть важно. Но если вы задержитесь с выполнением приказа более чем на три... ладно, четыре часа, я буду вынужден принять меры.

И «паук» ушел, предусмотрительно не подавая руки.

А Ильин смог уснуть. И смог попытаться корчить из себя оптимиста после пробуждения.

Все хорошо? Ни хрена подобного. Ничего нет хорошего. Ничего.

Ильин посмотрел на лежащий на полу конверт, протянул руку, покачал головой и отправился в туалет. Потом – под душ. Потом хотел приготовить себе завтрак, но обнаружил, что ничего съедобного в холодильнике не осталось.

Значит, оставалось только вскрыть конверт и отправляться выполнять приказ.

Ильин вошел в комнату, поднял конверт.

Нет сургуча, не прошит. Просто большой серый конверт. Увесистый.

Ильин рванул бумагу, бросил ошметки на пол. Высыпал содержимое пакета на диван.

Странно, среди бумаг с печатями и штампами лежала официального вида красная книжечка с государственным гербом на обложке.

Майор Ильин, как следовало из удостоверения, является командиром войсковой части номер...

Майор Ильин поцокал языком. Хорошее начало. Просто превосходное.

Среди бумаг нашелся рапорт самого Ильина с его же подписью с просьбой о переводе из милиции в армию. Станный сам по себе рапорт, но к нему были заботливо подколоты приказы и по Министерству внутренних дел, и по Министерству обороны о переводе и зачислении соответственно.

Там же был приказ о назначении Ильина на должность командира. Лежала информационная карта, надо полагать, с личным делом майора. Кредитная карточка, предписание явиться к месту службы, сертификат об окончании месячных курсов переквалификации и распечатан-

ная на обычной бумаге карта, на которой был обозначен маршрут движения майора Ильина к месту его новой службы.

Даже смертный медальон на цепочке имелся среди документов.

А в углу комнаты стояла объемистая сумка – «паук» позаботился обо всем.

Полевая форма, обувь, стандартный армейский информационный блок... Ильин приложил руку к панели и убедился, что блок уже был настроен на его, Ильина, параметры.

Пистолет тоже имел место быть. Бессмертный «макаров», о котором еще в годы курсантства Ильина говорили, что выдается он офицерам только для того, чтобы офицер мог пустить себе пулю в голову, если что.

Если что, повторил Ильин через полчаса, застегивая куртку и пряча пистолет в кобуру. В конце концов, не самый плохой выход.

Вот только разобраться в происходящем, понять, кто именно за всем этим стоит, и попытаться дотянуться до нужного горла. Зубами.

Ильин не злопамятный человек. Подчиненные считали Ильина человеком хоть и тяжелым, но справедливым.

Ильин никогда не ставил перед собой и своими подчиненными нереальных задач. Трудновыполнимые или почти невыполнимые – ставил регулярно.

Нужно попробовать, говорил Ильин подчиненным в таких случаях.

Нужно попробовать, сказал Ильин, выходя из квартиры. Ему отчего-то показалось, что больше он сюда не вернется.

Мелькнула даже мысль выбросить ключи. Или подарить их соседу, тому самому, с трехкилограммовой гантелью.

Но с недавних пор Ильин с большим недоверием относился к мыслям, пришедшим в его голову.

На улице шел дождь.

– Снова дождь, – сказала Маша как ни в чем не бывало.

Она не помнила своих приступов. Гриф всегда оказывался рядом вовремя, чтобы подхватить, удержать, не дать упасть.

Теперь у Грифа не было других забот, кроме как следить за самочувствием Маши.

Странное это было ощущение – заботиться о другом.

Первоначально все выглядело более или менее понятно – отец Маши спас жизнь Грифу ценой жизни своей. Получалось, что нужно было отдать долг дочери.

Деньги, поначалу думал Гриф.

Машин отец пошел в *бросок* на Территорию ради денег. Потом оказалось – он хотел выкупить дочь у матери и попытаться вылечить.

Это Гриф понял, уже когда добрался к Маше Быстровой. И времени больше не было ни на что. Нужно было принимать решение. Нужно было брать на себя ответственность.

Но и тогда все казалось достаточно простым.

Гриф смог себя убедить, что все будет простым. Он просто передаст Машу в руки лучших специалистов по братским болезням. В Адаптационную клинику.

Не получилось. Большие люди затеяли свои игры, основанные, как всегда, на жажде наживы, на крови, на стремлении к власти, и из Клиники пришлось бежать.

Машу нельзя было оставлять.

А теперь ее не получалось вылечить.

Оказалось, что теперь никто не мог ее вылечить. У Грифа были деньги, но они ничего теперь не решали.

Маша Быстрова уже пересекла границу.

Маша Быстрова еще оставалась человеком, еще улыбалась, двигалась, разговаривала и мечтала, но времени на все это у нее оставалось все меньше и меньше.

И еще с полгода, услышал вчера Гриф.

...Потом девушка начнет умирать. И будет умирать еще два-два с половиной месяца. Нехорошо умирать. И Грифу нужно будет понять – хочет он за этим наблюдать или гуманнее будет дворняжку усыпить...

Гриф замер. Ему показалось, что эти слова произнес кто-то рядом. За спиной. Или не за спиной...

Голос прозвучал откуда-то сверху... И одновременно – в голове Грифа.

Но никого рядом не было.

Крымское небо. Крымские горы. Море. Ветер с настойчивостью дебила тщетно разглаживает кусты.

Но голос был. Гриф слышал эти страшные слова.

Или гуманнее будет дворняжку усыпить...

Вчера долго обдумывать услышанное не получилось – у Маши начался приступ. На этот раз – затяжной, почти до самого утра.

Первый такой приступ настиг Машу неделю назад, Гриф не ожидал, испугался, сидел всю ночь рядом с кроватью девушки и, кажется, плакал.

Вчера приступ повторился. И снова перед закатом.

Из Сети Гриф вытащил информацию и теперь знал, что это называется ночными приступами и действительно как-то связано с солнцем.

Тело Маши во время приступа больше не била дрожь, не сводила судорога. Девушка лежала неподвижно. Еле заметное дыхание. Почти неосязаемый пульс.

Гриф хотел было выть в эти минуты от бессилия.

Зачем ему это? Чувство долга? Жалость? Желание хоть как-то отвлечься от постоянных мыслей о произошедшем в Клинике, о том странном чувстве, возникшем тогда, месяц назад, о том всезнании и всемогуществе, которые накатились на Грифа и вывернули ему душу...

Этого не могло быть на самом деле, но он помнил, как в его ладонях сминался металл и рвалась плоть.

В его огромных ладонях.

Он чувствовал угрозу, понимал, что ее нужно устранить, что так он спасает не только себя, но и тысячи-тысячи-тысячи жизней... и не мог стереть из своей памяти отвращение к самому себе в тот момент.

Он мог не убивать. Мог. Если бы смог разобраться в себе, в том, что с ним происходит, мог действительно захотеть стать и всезнающим, и всемогущим.

И действительно стать всемогущим и всезнающим.

Просто.

Просто захотеть. Просто признать, что именно он... тогда, десять лет назад... неподалеку отсюда... сделал выбор... неправильный выбор... или все-таки...

Гриф плохо спал по ночам. И сегодня только под утро забылся в кресле, напротив Машинной кровати, перед самым рассветом. И проснулся, когда Маша сказала:

– Снова дождь.

– Дождь, – подтвердил Гриф, не открывая глаз.

– А мне сегодня снился сон, – сказала Маша, присела на стул перед зеркалом, взяла расческу и стала расчесывать волосы.

Вода текла по окну сплошным потоком, в комнате стало темно, и Маша включила свет над столиком.

– Мне приснилось, что я... – Маша замолчала на мгновение, словно вспоминая, – я падаю... или нет, я лечу... Вокруг меня какие-то сполохи, искры, вспышки... но они не обжи-

гают меня... я их не боюсь... я опираюсь на них и лечу... или все-таки падаю... И мне казалось, что я знаю, куда лечу, знаю, зачем и когда достигну своей цели... А проснулась и забыла.

– Наверное, ты растешь. Все еще растешь,– сказал Гриф.

– Мне и папка так говорил. Только тогда я не так летала. Я парила, скользила над домами, деревьями... И с каждым годом я летала все ниже и ниже, и вот я уже еле могла подняться над травой, летела и понимала, что это в последний раз, что больше никогда уже не смогу... Я плакала, подошел папка, спросил, что случилось, а я могла только плакать...– Маша медленно расчесывала волосы, плавными движениями, и говорила тоже медленно, еле слышно.– А сегодня я... просто летела. Не над чем-то, не сквозь что-то – просто летела.

Маша отложила расческу и посмотрела на Грифа.

– А когда приедет папка?

Маша не помнила, как попала сюда, в замок Грифа. Приступ начался у нее дома, в Клинике ее держали на химии... Она очнулась здесь, в замке.

Гриф сказал, что дружит с ее отцом. Сказать «дружил» – язык не повернулся. Сказал, что отец скоро приедет. Он сейчас занят, у него очень важная работа.

– Хорошо,– сказала Маша.

Время от времени она спрашивала снова. Об отце. О Петрухе Иванове, о ребятах из Понизовки. Только о матери не спрашивала Маша.

Оно, наверное, и лучше.

Тут Гриф мог и не сдержаться, а девчонке незачем слышать о матери такое. Не виновата девочка, что мать у нее стерва, сука...

– Он скоро приедет? – спросила Маша.

– Не знаю,– ответил Гриф, вставая из кресла.– Он сказал – позвонит, когда сможет. Свяжется со мной. Я даже не знаю, где он. А нам пора завтракать.

Гриф вышел в коридор, свернул направо, к кухне, и вдруг замер. Закрыв глаза, сжал ладонями виски.

Море. Не серые волны на поверхности, а давящая темнота глубины. И страх. Глухие удары по металлу. Тускло освещенное помещение. Холодно, капли воды стекают по стенкам, как пот. Как холодный пот. От страха. В помещении-комнате-отсеке все пропитано страхом. Люди, их почти два десятка в тесном темном помещении-комнате-отсеке, дышат страхом, выдыхают и выдыхают его.

– Десятиминутная готовность,– сказал один из них, голос прозвучал глухо и бесцветно, словно и он пропитался влагой и страхом.

Люди зашевелились, звякнул металл – чистый, спокойный звук, не то что те удары, которые доносятся снаружи, сквозь толщину корпуса, все чаще и чаще.

Тот, что предупреждал о десятиминутной готовности, спрятал в карман бронекосяма пластину кадропроекции, которую только что показывал остальным, и сказал:

– Он – основная цель. Если не будет его – девушка. Зовут – Мария Быстрова, восемнадцать лет...

– Что с вами? – спросила Маша.

Она никак не называет Грифа. Гриф не представился, она не спрашивала. Наверное, это ей даже нравилось своей необычностью и загадочностью.

– Вам плохо?

Голос у Маши дрожит, она только что видела, как Гриф медленно валился на пол. Она попыталась удержать его, но не смогла, только чуть затормозила падение.

– Что с вами?! – крикнула Маша.

Гриф открыл глаза.

– Десять минут,– сказал Гриф.

Он видел Машу, видел ее испуганные глаза, но одновременно видел замок откуда-то сверху, темное море, с отчаянием бьющееся о берег...

Пена и вода становятся прозрачными, будто расступаются, открывают его взору металлическую сигару метров тридцати в длину и чужерыв, с остервенением, но безуспешно атакующих эту сигару...

Вот прозрачной стала сама сигара, и Гриф увидел людей, сидящих в ней.

– Восемь минут, – сказал Гриф, слепо глядя перед собой.

В темном коридоре его глаза светились, зрачков не было, только радужные сполохи на перламутровом фоне.

Маша встряхнула Грифа, замахнулась, но ударить не смогла.

– Ну что с вами, – простонала она, – ну ответьте, пожалуйста.

Металлическая сигара под водой остановилась, медленно накренилась на корму. Люди внутри пристегнулись к креслам...

– Пять минут, – сказал Гриф.

Он понимает – нужно что-то предпринять. Подводный аппарат и люди в нем опасны. Они угрожают Грифу. Чужерыбы не смогли повредить бронированный аппарат, а чужекрысы, которые уже собираются у берега, чтобы встретить незваных пришельцев, могут их не остановить.

Здесь мало чужекрыс. Гриф старался, чтобы они не попадались на глаза девушке. Возле замка были только те, что обеспечивали чистоту и непосредственную безопасность.

Три минуты.

Вес аппарата... размеры... водоизмещение... пятнадцать человек на борту... четырнадцать из них вооружены и одеты в бронекожухи... оружие... суммарная плотность огня...

Минута.

Контейнеры с ракетами...

Время замедлилось – секунда растягивается, и ей не видно конца... Гриф знает, что сейчас он видит будущее – то, что может произойти. То, что произойдет, если он...

Выстреливаются контейнеры, вылетают из воды, раскрываются, и из них вылетают ракеты... по полсотни малокалиберных осколочных ракет из десяти контейнеров ковром накрывают берег...

Взрывы-взрывы-взрывы-взрывы бегут от моря вверх по склону, превращая в щебень лестницу, скульптуры, камни, разнося в щепы деревья, перемешивая с землей и песком чужекрыс, собравшихся у берега...

Вспышка под водой, корпус подводной лодки разделяется, отсек с пятнадцатью людьми взлетает над морем, включаются реактивные двигатели...

Над замком срабатывают катапульты, выбрасывая кресла с вооруженными, залитыми броней людьми...

Огни тормозных двигателей, люди высаживаются во двор, на крышу замка...

Тридцать секунд.

Все можно решить очень просто. Просто сжать ладони. Снова стать великаном и сжать кулаки, почувствовать, как чужие жизни вытекают между пальцами, словно вода из мокрого песка...

Это очень просто. Нужно только захотеть... Даже не захотеть, просто – не возражать. И все произойдет как бы само по себе.

Пятнадцать жизней. Такой пустяк.

Гриф закричал.

Маша вскочила, в ужасе прижалась спиной к стене.

– Нет! – крикнул Гриф. – Не смей! Не смей!

Из прокушенной губы текла кровь. Он попытался встать, его качнуло, и он бы упал, если бы не Маша.

Пять секунд.

Гриф ударил кулаком в стену с такой силой, будто пытался пробить ее. Закричал, но на этот раз уже от боли.

Схватил Машу за руку и потащил по коридору.

– Что?

– Бегом, – пробормотал Гриф. – Потом. Все потом.

Со стороны моря послышался стонущий протяжный звук, разом превратившийся в грохот.

Гриф ударом ноги распахнул дверь, ведущую на башню.

Тяжкий удар обрушился на замок, вышибая окна, двери, срывая ставни и сдирая со стен ковры.

– Быстрее, – сказал Гриф. – Быстрее.

За несколько ступенек до верхней площадки он вдруг остановился, словно вспомнив, что забыл что-то.

– Слушай меня, – сказал Гриф, повернув Машу к себе. – Сейчас ты войдешь наверх. Такая круглая дверь. Войдешь и попадешь в пещеру... Слышишь? В пещеру. И будешь меня там ждать... Я скоро. Иди!

Маша поднялась на несколько ступенек, оглянулась.

– Не стой, у нас нет времени, – сказал Гриф хриплым голосом.

Казалось, он держится на ногах из последних сил.

Маша поднялась еще на несколько ступенек.

Снова взорвалось, на этот раз над замком.

Двери на верхнюю площадку не было. Просто обруч из какого-то блестящего желтого металла, вмонтированный в стену.

Дверь в пещеру, на башне, с удивлением подумала Маша и протянула руку.

На крыше загрохотало, будто на черепицу упало что-то тяжелое.

Маша шагнула через порог.

– Видите? – спросил Герман Николаевич у гостя, качнув головой в сторону кадропроекции. – Обратили внимание?

– Простите, на что? – уточнил китаец.

И все-то ты понял, морда мандариновая, подумал Герман Николаевич, но на его привычно вежливом лице не отразилось ничего.

– Он отправил девушку на башню, а сам почему-то остался...

– Это я заметил. – Китаец, видимо, был чемпионом как минимум Пекина по вежливым улыбкам. – Меня больше удивляет не то, что он отправил девушку, а то, что он начал... э-э-э... суетиться за несколько минут до первого залпа... И даже не это самое главное, по моему мнению...

Герман Николаевич взял с низкого стеклянного столика стакан с соком, медленно, очень медленно, поднес его к губам и сделал маленький глоток. Тоже очень медленно.

Как ему хотелось взять китайского гостя за шкуру и приложить невозмутимо-вежливой рожей о стеклянный столик. И чтобы столик – вдребезги. И чтобы китаец умылся кровью. И чтобы улыбочка каплями вытекла с лица китаезы на пол...

Он еще свое мнение тут высказывает!

– По моему мнению, гораздо важнее здесь то, что этот человек... – посланник Китая указал пальцем на кадропроекцию, – этот человек не предпринял ничего, подобного тому, что сделал у Адаптационной клиники.

Китаец попался очень информированный. А по некоторым вопросам – даже слишком. Откуда он мог знать, что происходило двадцать пятого октября в Клинике и возле нее?

– А что он мог сделать? – осведомился Клеев.

– Например, просто уничтожить аппарат еще под водой... Как-то так...– Китаец, имя которого Клеев так и не запомнил, поставил рядом с кадропроектором Германа Николаевича свой, провел рукой над ним – в воздухе засветились крохотные разноцветные иероглифы.– Вот так.

На кадропроекции возникли двое – Гриф и капитан Горенко. Слишком часто стал попадаться капитан Горенко на глаза Герману Николаевичу.

Горенко и Гриф стоят возле какой-то двери. Гриф делает шаг вперед, протягивает руку к двери...

– Вот, смотрите на индикатор времени,– сказал китаец.– В правом нижнем углу.

Движение руки Грифа прерывается, лицо белеет. Руку... Руки – застыли, пальцы – скрючены. Горенко что-то говорит, но звук не включен.

Китаец снова трогает голопанель, индикация времени увеличивается, выплывает из своего угла вверх и замирает, пульсируя в такт секундам.

– А вот это – время из ваших отчетов о происшествии с дивизионом установок залпового огня Территориальных войск.

Появляется еще одна группа цифр и всплывает к первой. Пульсация прекращается.

Время совпадает.

– То есть мы можем констатировать, что приступ у свободного агента и уничтожение дивизиона произошли одновременно.– Голос у китайца ровный, совершенно без эмоций.– А исследование остатков военной техники...

– Совершенно секретные исследования,– напомнил Клеев.

– ...Позволяют сделать совершенно фантастическое предположение,– невозмутимо продолжил китаец,– что и технику и людей раздавил некто...

– Человек, который выдвинул эту гипотезу, был отстранен и направлен на медицинское обследование, каковое показало, что умственные способности...– Клеев увидел, что невозмутимая улыбка китайца стала перетекать в ироничную.– Ну ладно. Хорошо. Но ведь отпечатки пальцев, как вы понимаете, найдены не были...

– Но не будете же вы отсылать меня к гравитационным аномалиям и прочим вариантам официальной версии? – поинтересовался китайский гость.– Предлагаю принять за основу версию безумца и попытаться быть логичными в ее рамках.

Клеев снова отпил сока.

Блин, показал, называется, иноземному гостю фильму о провале операции спецподразделения. Хотел ведь продемонстрировать новую технику и отсутствие Братьев в данной разборке на стороне свободного агента.

Просто – человек, которому просто повезло. Одному против четырнадцати вооруженных орлов, натасканных на живое и упакованных в броню.

Иноземный гость не стал таращиться на результаты действия «блеска», а перешел к вопросу, мягко говоря, неприятному.

– Возражений нет,– подвел итоги китаец.

– Пока нет.

– Согласен – пока нет. Итак. Благодаря вашей новой технике, позволяющей видеть буквально сквозь стены,– легкий поклон в сторону Клеева,– мы можем наблюдать все, что происходило в помещениях дворца. Кстати, я так и не понял, как вам удалось произвести эти съемки. Первые видеоматериалы должны были пойти с одной из ракет, потом – собственно с аппарата, вылетевшего из воды и зависшего над пространством операции, со сканеров бойцов... Но запись, как я понимаю, велась минимум за десять минут до первого залпа.

– Тактический модуль «Фарос», запущен из дублирующего корабля на дистанции пяти километров от берега на высоту в пятьсот метров,– сказал Клеев.– В режиме сквозного сканирования.

– Примите мои поздравления,– почти искренне произнес китаец.– Это, простите, братская технология или собственные разработки?

– Это техника Российских вооруженных сил,– отрезал Клеев.– Вы хотели продолжить оставаться логичным в рамках бредовой версии.

– Да, извините. Если позволите, я синхронизирую наши кадропроекторы.– Китаец еле шевельнул пальцами правой руки – обе кадропроекции уравнились в размерах, повисли рядом.– Эту технику и программное обеспечение, кстати, подготовили наши собственные ученые.

– Вот как... Отлично. Мои поздравления вашим ученым...

С одной стороны, этой своей иронией Клеев нарушал и протокол, и режим секретности, но очень уж достал представитель Поднебесной. И клеевский кадропроектор, и, ясное дело, китайский были основаны на технологиях, выкачанных из Делийского института несколько лет назад неизвестными террористами.

Клеев некоторое время даже был уверен, что выкачанных исключительно для России.

Если китаец иронию уловил, то виду не подал.

– Оба процесса начались одинаково, обратите внимание. Объект замирает, его кожные покровы светлеют. Происходит нечто вроде паралича. Вы видите?

– Вижу.

– Но, теперь смотрите внимательно, возле Клиники паралич длится значительно дольше. Вот – кисти рук объекта. Они сжимаются. Пальцы – словно что-то действительно сдавливают. А в коридоре дворца – вовсе нет. Объект поначалу замирает, все внешние признаки повторяются, но буквально через десять секунд он начинает говорить – что он, кстати, говорил?

– Отсчитывал время, как смогли разобрать наши специалисты.

– Отсчитывал время – замечательно. Но, обратите внимание, он движется, он действует и даже наносит удар рукой в стену – полагаю, он мог сломать или повредить кисть руки,– то есть ведет он себя осознанно.

– И что из этого следует?

– А из этого следует, что в первом случае он парализован – и наносит удар по ракетным установкам. Во втором случае он самостоятелен – и корабль не топит. Забавно?

– Забавно... Если быть логичным в рамках этого безумия...

– Исключительно если оставаться в рамках,– подтвердил китаец.– Из этого следует, что, несмотря ни на что...

– На что это – «ни на что»? – осведомился Герман Николаевич.

– Несмотря на ваши утверждения, что Братьев нет...

– А, вы об этом...

– Об этом. Несмотря ни на что, есть *человек* – будем именовать его так, пока не получим веских оснований для другого названия,– способности которого...

Китайский гость посмотрел на хозяина, словно ожидая, что тот продолжит его фразу, но Клеев это молчаливое предложение проигнорировал.

Умничает китаеца. Теперь учить еще начнет северного варвара тому, что нужно делать и как называть этого свободного агента...

Сами небось не дураки.

Все, что сейчас сидел и придумывал посланник, уже просчитано и понято... Почти понято.

Остается теперь подыграть гостю и выпроводить его... Несмотря на пятимиллионные вооруженные силы и военно-промышленный комплекс братской Китайской Народной Республики. На их азиатские хитрости припасено достаточно наших славянских головоломок.

– Не могли бы вы поделиться с нами информацией о том, кто этот человек? – спросил китаец.

– Для того чтобы мы могли сообщить вам что-то неизвестное, нам нужно знать, что вы на него *уже* имеете. – Вот такие милые, незамутненные двойным смыслом улыбки очень хорошо получаются у Германа Николаевича, куда там китайцу. – Вы передайте нам *свою* информацию, мы ее сравним с нашей и дополним...

Клеев сделал паузу. Очень важную паузу. Именно такие паузы несут в себе информации в переговорах больше, чем многочасовые беседы.

– ...Возможно, – закончил Клеев.

Можно было бы еще прямо в глаза назвать гостя придурком, плюнуть в глаза и приказать выкинуть уважаемого гостя на фиг. Но гость занимает очень высокий пост в дружественном государстве, много лет проработал в тамошних силовых ведомствах и вполне может понять смысл ответа и без такого подробного разъяснения.

Китаец встал с кресла.

– Нет, мы не возражаем, чтобы вы и дальше активно разрабатывали Африканские Территории. Насколько это возможно. Мы не станем принимать никаких мер даже в случае вашей активности по Индийской Территории... Но если вы попытаетесь еще раз предъявить нам такие несоразмерные требования, то мы вынуждены будем реагировать адекватно, – сказал, не вставая, Клеев.

Не фиг продолжать корчить дружескую беседу. Китаец получил информацию, которую должен был получить. И все.

– Надеюсь, сегодня к вечеру вы уже отправитесь домой... Могу, кстати, предложить путешествие на торпедо. За наш счет, естественно. Через пару часов будете в Пекине...

– Слышал, вы реквизировали летательные аппараты у фирмы «Спецдоставка»... – Китаец продолжал стоять, глядя куда-то над головой Клеева.

– Отчего же «реквизировали»? Если первоначально было заявлено, что торпеды переданы господину Исламову Братьями, – мы сохраняли статус-кво. Сейчас возникли предположения, что Братья... как бы это сформулировать точнее... – Клеев встал со своего кресла. – Пока все не устаканится и не выяснится, мы взяли имущество фирмы под государственный контроль. Рафаил Джафарович Исламов остался на своем месте и, кстати, просил передать вам... или кому-то из ваших, чтобы вы больше не обращались к нему напрямую.

– Только через вас? – уточнил китаец.

– Через меня, – подтвердил Клеев. – Мы понимаем, что программа ваших акций в Африке завязана на торпеды... Поэтому готовы всего за пятьдесят процентов от общей добычи оставить вашу договоренность со «Спецдоставкой» в силе. Еще есть просьбы и предложения?

– Я хотел бы завтра встретиться с вами... – Лицо китайца стало совсем бесстрастным, взгляд твердым и неподвижным.

– Сегодня вы уедете, – сказал Клеев. – Боюсь, отель, в котором вы остановились, не сможет обеспечить вам достаточную безопасность...

– И все-таки я останусь. Как частное лицо, если вы не возражаете. Не станут же меня топить в ванной...

– Топить – не станут. И убивать не будут. Бывают куда более неприятные вещи, поверьте мне.

– Верю. Случалось переживать всякое. – Китаец сделал ударение на «переживать». – Но... пережил. До завтра!

– Прощайте, – сказал Клеев.

Нужно вести себя твердо и уверенно. Сканеры пишут все, а *соратники* наблюдают за беседой в прямом эфире. Перед ними тоже нельзя ударить в грязь лицом. Особенно, если они уверены, что он не знает об их незримом присутствии.

Если соратникам кажется, что они контролируют этот совершенно прозрачный мир, не нужно их в этом разочаровывать.

Клеев вернулся в кресло и переключил голопанель.

Соратники и все остальные, заинтересованные и любопытные, могут продолжать наблюдать, как Герман Николаевич Клеев внимательно изучает кадры. А он тем временем побеседует со Станционным Смотрителем.

Клеев даже улыбнулся своей шутке. Сидят там на своей станции, как герой повести Александра Сергеевича Пушкина, планы строят. А потом придет красавец – и все их планы...

– Слушаю,– сказала телефонная барышня.

– Номер три-восемнадцать, пожалуйста.

На мониторе мобильного Клеева было видно, как барышня лет двадцати, в светлой блузке с высоким стоячим воротником и в эбонитовых наушниках, взяла в руку штекер и воткнула его в нужное гнездо.

Совсем они там, в космосе, охренели от безделья. Разные были заморочки – один этот их телефон чего стоил,– но баба на коммутаторе... На космической станции, начиненной братскими технологиями...

С ума сходят! Или с жиру бесятся.

Клеев, наверное, был бы разочарован, узнав, что барышни на самом деле не существует, что это работает программа...

А как был разочарован Младший, когда понял, что придется довольствоваться такой вот подделкой вместо настоящей барышни. И как был разочарован Младший, увидев реакцию китайского гостя на действия Клеева.

Они должны были поссориться. Серьезно поссориться, так, чтобы полыхнуло на Дальнем Востоке, чтобы войнуха в шестидесятых годах прошлого века на Амуре показалась всем детским лепетом, международной встречей по игре «Зарница».

Советские пионеры против китайских. Младший когда-то видел хронику, как по советскому телевидению клеймили китайских агрессоров и показывали молодых красивых парней с цитатниками председателя Мао в руках.

Но что-то не заладилось сейчас с конфликтом. То ли порог страха у китайцев оказался выше, чем предполагалось. То ли имеют они фигу в кармане. Они – такие, они – могут.

И тут позвонил Клеев. И начал рассказывать, как китайцы...

– Я все слышал,– сказал Младший. – И я все понял. И я недоволен. Мне непонятно, долго ли вы будете возиться с этим самым Горенко...

– Грифом?

– Я сказал – Горенко. Это ведь он писал все, что происходило во дворе Клиники. И разговор с полковником Жаданом, неудавшимся нашим путчистом.

– Но ведь Гриф...

– Вы со мной в последнее время что-то спорите много...– задумчиво произнес Младший. – Все спорите и спорите... Даже обидно, честное слово. Я вам сказал – Горенко. Можете бросить все свои текущие дела и искать капитана Горенко.

Изображение Младшего перед Клеевым вдруг резко увеличилось, так, что в мониторе остались видны одни глаза.

– Ищите. Это сейчас для вас – главное. В этом с вашей бывшей возлюбленной, мадам Артуа, можно согласиться.

Он видел их разговор с Брюссельской Сукой! Ледяной ком рухнул в желудок Германа Николаевича.

Не хотел же он встречаться с Катрин, и правильно не хотел!

– Не нужно так пугаться.– В мониторе снова была вся фигура Младшего.– С китайцем сегодня разберутся. Что вы там бормочете, любезный?

– Не убивать... Я...

– Естественно, нет. Вы очень справедливо заметили, что есть куда более страшные вещи. Убить его – и начнутся ноты протеста, переписка и прочее... В общем, это не ваше дело.

– Хорошо,– кивнул Клеев, и связь оборвалась.– Хорошо,– повторил Клеев, глядя на стену перед собой.

И подумал, что стоит выпить. Поест и выпить. Когда он волновался, всегда хотел поест и выпить. Еще со студенческих времен.

А представитель Китайской Народной Республики кушать совершенно не хотел.

Вообще всякий нормальный человек, получив столь неприкрытую угрозу, должен был потерять аппетит, бросить все и отправиться в аэропорт, пока есть такая возможность.

Или, если уж принципы или приказы начальства заставляют остаться на месте, закрыться в номере, забаррикадировать двери мебелью и сидеть, надеясь, что пронесет...

Тщетно, между прочим, надеясь. При современном уровне технологии убийств закрытая дверь – не помеха.

Хотя убивать его не будут, это точно.

С ним попытаются сотворить что-то такое страшное, чтобы у пославших его отбить всякую охоту спорить и требовать.

Но даже такие мысли вовсе не повод, чтобы при полном отсутствии аппетита отправляться в ресторан, в толпу людей, каждый из которых может быть посланцем Клеева.

Товарищ Чжао Цянь отправился в ресторан. Чжао Цянь сел за крайний столик, будто изо всех сил старался помочь посланцам Клеева в охоте на себя.

Странность этого оценил и неприметный господин лет сорока пяти, сидевший в вестибюле отеля «Гора».

Неприметный господин, явившийся в отель всего несколько минут назад, собирался уточнить у портье, где именно находится китайский гражданин Чжао Цянь, потом отправиться к китайскому туристу и поговорить с ним.

Но тут сам Чжао Цянь вышел из лифта, прошелся по вестибюлю, словно желая продемонстрировать свою отвагу, затем ушел в ресторан.

Неприметный господин отложил в сторону журнал, встал с диванчика и проследовал за Чжао Цянем.

В ресторане было людно. Китайца провели к заказанному столику сразу, а вот неприметный господин в сером старомодном костюме был вынужден подождать, пока ему подыщут место.

Не возле оркестра, попросил господин. И не возле стены. Клаустрофобия, наверное, не могу сидеть у стены.

Его посадили в двух столиках от китайца.

Неудобная позиция, подумал господин в сером костюме. Ходят люди, могут помешать. Правда, пол застелен гигантским ковром, это значительно облегчает работу.

Господин в сером костюме никогда от работы не отказывался, но не любил, когда заказ приходит вот так, неожиданно.

Гораздо приятнее и надежнее все взвесить, прикинуть все возможные варианты пьесы.

В принципе, зал ресторана – почти идеальная площадка. Много людей, много стекла, зеркал, посуды.

Все такое звонкое и хрупкое!

А люди еще и болтливые.

Китаец сделал заказ – вино и фрукты. Что-то сказал официанту, тот выслушал с легкой улыбкой на лице, кивнул и отправился к одной из местных дам, сидевших в дальнем углу зала.

Господин в сером костюме попросил чашечку кофе и пирожное. Он любил пирожные. И перед работой ему нужен был сахар.

Дама подошла к столику китайца, тот вежливо встал и придвинул даме стул.

Светло в зале, подумал господин в сером костюме. До китайца – шесть метров. С копейками. Можно пренебречь.

Пирожное было вкусным, кофе – сладким и крепким. Господин в сером костюме почувствовал легкое головокружение, как всегда перед работой.

Это словно фужер шампанского.

– Что-нибудь еще? – спросил официант.

– Пока нет. Может, минут через десять, – ответил господин в сером костюме. – Ко мне должны прийти.

Шесть метров.

Господин в сером костюме закрыл глаза, проверяя, насколько хорошо запомнил расположение объекта и декораций.

Картинка четко встала у него перед глазами.

Нить скользнула у него из правой ноги, из углубления под щиколоткой, и тут же ушла сквозь ковер, к полу.

Темно. Твердый холодный пол. Не спешить. Кто-то наступил на нить под ковром, остановился.

Ерунда. Нить растет не от основания. Она растет сама собой, удлиняется, а не вылезает из тела «паука». Они могут топтаться по ней, даже пытаться остановить ее, пережечь – ерунда.

Нить скользнула между ножками стульев, приблизилась к объекту.

Он смеется. Ему весело, видите ли!

«Паук» открыл глаза. Ему нравилось смотреть, как меняется выражение лица у подвешенных.

Секунду назад – веселье или печаль. Или деловая гримаса типа «а что вам, собственно»... и вдруг – плоть превращается в камень. Или наоборот – в глину.

Иногда можно оставить объекту восприятие, перехватив управление.

Он все видит, чувствует, но ничего не может поделать.

Это просто. Есть фокусы гораздо более сложные.

«Мерцающая боль». «Сады зла». «Огненный цветок».

«Пауки» придумывают красивые названия и делятся друг с другом своими секретами.

Вот сейчас объект попадет в «комнату страха», а потом пересядет на «черную мельницу»... а потом – «балаган», а потом...

Это было странное зрелище – господин в старомодном сером костюме, который только что, не торопясь, выпил кофе и скушал пирожное, вдруг закричал.

Громко и тоскливо. Вскочил, перевернув столик. Рванул галстук на себе. Снова закричал.

Его тело выгнулось назад, руки взметнулись над головой, замерли, дергаясь. Пальцы сплелись в узел, сжались, и те, кто сидел рядом, услышали сухой треск ломающихся косточек.

Человека согнуло, он рухнул на колени, потом, постояв секунду, упал лицом на ковер.

И никто не смог заметить, как что-то тонкое, почти прозрачное, похожее на паутину, медленно втянулось в ногу лежащего, прямо над краем туфли.

И никто не обратил внимания на выражение лица господина Чжао Цяня. Только дама, сидевшая рядом с китайцем, заметила, как он растер что-то между пальцами правой руки, быстро поднес ко рту и жадно вдохнул.

Возможно, это была Зеленая крошка. Даме было на это наплевать. Сама она предпочитала старый добрый кокс.

Старший не сразу отреагировал на панический звонок Клеева. Старший вообще не хотел отвечать на вызов – было не до праздной болтовни.

И Младший и Старший одинаково потрясенно смотрели на кадропроекцию – Крым, побережье, логово Грифа.

Наконец они соизволили посмотреть полный вариант записи. Не провал боевиков, а то, что происходило потом.

Еще час назад Гриф бесцельно бродил среди обломков. Просто ходил, словно погорелец на пожарище. Похоже было – привыкал к тому, что нижний парк уничтожен безвозвратно, что дворец покалечен, что теперь придется либо искать другое место, либо привыкать к этому хаосу...

Всего час назад.

Старший увеличил кадр – с правой рукой Грифа что-то было не в порядке. Старший сразу и не понял, что именно.

– Что-то не так с рукой, – сказал Старший.

– Рука как рука, – быстро ответил Младший. – Целая, здоровая... Блин.

– Целая и здоровая, – сказал Старший. – Что там у нас в записи? В коридоре, перед самым началом...

Младший провел рукой над панелью – рядом с основной кадропроекцией появилась вспомогательная – небольшая. Гриф и девушка.

Гриф поднимается с колен, что-то говорит и вдруг бьет правой рукой в стену. И на лице его проступает гримаса боли.

– Крупнее, – приказал Старший.

Они смотрят на руку Грифа.

Содранная на костяшках кожа, кровь...

– Думаешь, обошлось без перелома? – спросил Старший.

– Черт его...

Гриф наклонился, поднял камешек, подбросил его на ладони. На ладони правой руки – чистой, без малейшего повреждения.

Гриф замахнулся и бросил камешек в море.

– Как полагаешь, – не отрывая взгляда от кадропроекции, спросил Младший, – это автоматический режим или он сам...

– Не знаю, – честно сказал Старший. – Я не помню подобного раньше. Хотя... глаза он не мог сам стабилизировать. Постоянно таскался со спреем... Ты не помнишь – после Клиники он пользовался лекарством?

– Не помню... А если нет? Это значит, что он начал контролировать... Начал?

В голосе Младшего проступило нечто похожее на страх.

Пока – только похожее.

За последние десять лет он отвык бояться по мелочам. Он мог бояться – и боялся – будущего, но в настоящем...

Гриф сел на обломок скалы, над самым морем.

Казалось, он не замечает ветра, не замечает брызг и того, что волны подбираются все ближе и ближе.

Закрытые глаза, расслабленное лицо. Капли воды на щеках и ресницах.

Что-то шевельнулось в самом углу кадропроекции.

Камень, осколок гранитной ступени сдвинулся в сторону. Рывком, будто кто-то его подтолкнул.

Чужекрыса, подумал Младший, но через секунду понял, что ошибся.

Замерший на мгновение, камень совершил еще один скачок. И еще один. Потом остановился и несколько раз дернулся, будто устраиваясь поудобнее.

Словно мелкая рябь покрыла все пространство от дворца до моря – двигались камни и камешки, крупные обломки и щебень.

Двигались-двигались-двигались...

– Они... – начал Младший и замолчал, нечего было тут говорить, все было видно и так.

Обломки складывались в ступени, перила, скамьи и скульптуры. Соединялись. Слипались. Сливались.

Старший и Младший смотрели молча почти час.

Подал голос телефон на столе.

Старший, поколебавшись, поднял трубку. Выслушал доклад Клеева о происшествии в ресторане.

Движением руки выключил кадропроектор. Вывел изображение Клеева и включил звук...

– «Паук» сейчас в коме. Его доставили в больницу, поставили диагноз – «инсульт» – и говорят, что шансов практически нет. Нету шансов. – Клеев вытер лицо платком. – А китаец... Мы его взяли. Внаглую, силой. С ним в номер пошла гостиничная девка, мои люди вошли следом. В общем, на нем висят попытка изнасилования и убийство. Обслуга отеля все подтвердит – я вызвал нового «паука», он работает со свидетелями...

– Что сказал китаец? – спросил Старший, отмахнувшись от Младшего, который попытался уточнить, что именно произошло. – Ты уже с ним разговаривал?

– Китаец молчит и улыбается. Он даже консула не зовет, мать его так. И знаете, что самое прикольное во всем этом? – Клеев нервно хохотнул. – В китайском посольстве никто и ничего о нем не знает. Товарищ Чжао Цянь находится сейчас дома. Я настоял, и меня связали непосредственно с ним. Это не он. Я так и сказал, что в файлах – не его изображение, мне вежливо намекнули, чтобы я проверил правильность наших файлов.

– И?

– А у нас снова изображение настоящего Чжао Цяня. Не того, что сидел у меня в подвале, а того, что находится дома. Тихо, без шума, сломали восьмиуровневую защиту. Даже не сломали, а просто просочились сквозь нее. И что прикажете теперь делать?

– Не орать, для начала.

– Не орать? Хорошо, я не буду орать. Я успокоюсь. Я уже успокоился. Теперь вы мне скажете, как можно пройти сквозь защиту, о которой вы мне говорили как о совершенно надежной. Вы говорили. И мои специалисты пытались ее ломать – без результата. И вы мне говорили, что «паука» невозможно остановить. Говорили?

– И вы, наверное, проверяли?

– Естественно, нет. «Пауки» не любят подобных экспериментов. Со мной уже связывались от их Ассоциации... И что я отвечу? – Клеев снова засмеялся. – Я им предложил самим пообщаться с китайцем... или кто он там. Они отказались. Попросили, чтобы я своими силами...

– И вы попробовали? У вас ведь было часа полтора на все это? – осведомился Старший.

– Конечно. Мы смогли выкроить целых десять минут на беседу. Подключили молекулярный зонд. В результате теперь у меня еще и парни из техотдела мечут икру от восторга. Воздействия – ноль. Никакой реакции. Запустили пятую степень – ни хрена. Сидит и еле заметно улыбается. Сидит, сволочь, и улыбается. И улыбается...

– Нам нужно подумать, – сказал Старший.

– Да уж, пожалуйста, – ощерился Клеев. – Мы ведь в ответе за тех, кого приручили. Вы в ответе за меня... И за Катрин тоже. У Суки приступ ярости, но я думаю, что она просто перепугалась. Как и я. И знаете что еще? Что напоследок сказал китаец?

Клеев замолчал. Снова вытер лоб платком. Скомкал платок и сунул в карман пиджака.

– Вам нравятся драматические паузы? – осведомился Старший.– Вы хотите, чтобы я задал вопрос, что напоследок сказал китаец? Кстати, почему напоследок? Допрос уже закончен?

– Трудно допрашивать мертвого человека,– засмеялся Клеев.– Не пробовали жмурика допрашивать? Китаец произнес последнюю фразу и умер. Выключился. Наши попытались реанимировать – хренушки.

– Так что сказал китаец?

– А... Интересно... Я просто оборжался... в свете последних событий. Китаец поманил меня пальцем и тихо, на ухо, сказал...– Клеев захохотал.– Он сказал два слова... Алексей Горенко. И все. Правда, смешно?

Глава 3

К полуночи нижний парк у дворца Грифа восстановился полностью. Деревья и кустарники, правда, еще не окрепли, но все сделанное из камня и бетона снова уверенно стояло на своих местах.

Дворец тоже выглядел посвежевшим, словно после ремонта. Или будто его только что построили.

Гриф принес Машу на руках в спальню, положил в кровать, а сам привычно устроился в кресле.

Вот такие дела, сказал Гриф шепотом. У Маши снова был ночной приступ, услышать она ничего не могла, но Гриф все равно старался не шуметь.

Вот такие дела.

Грифу захотелось выйти из дворца и еще раз посмотреть на нижний парк. Вместо этого он поднес к глазам свою правую руку.

И вот такие дела.

Гриф уже давно привык к своим странностям: к глазам, способным видеть в темноте, к тому, что почти всегда успевает предугадать действия противника.

Когда впервые вдруг почувствовал лет семь назад, что нужно резко шагнуть в сторону, подчинился этому чувству и увидел, как предназначенная ему пуля ударила в ствол дерева,— ощутил странную, пугающую уверенность, что так и должно быть. Что так теперь будет всегда.

Теперь...

Рука перестала болеть почти сразу после того, как Маша шагнула в кольцо. Он не обратил внимания — не до того было. Нужно было успеть к сейфу на первом этаже и взять «блеск».

Нужно было успеть.

Он побежал по ступеням вниз, поворачивая, схватился за перила и тогда удивился. Даже не удивился, так, отметил про себя, что рука работает...

Потом вылетела дверь библиотеки, в коридор ворвался боец и сразу же открыл огонь.

Он стрелял на уровне пояса, так, чтобы с гарантией достать противника, но Гриф успел прыгнуть вперед, под пули.

Машинка у бойца работала почти бесшумно, пули дробно простучали по паркету, пытаясь настичь Грифа. Потом автомат замолчал.

Патроны в магазине еще были, но стрелок нажать на спуск уже не мог.

Гриф подхватил оружие, рванул из карманов бронекастюма запасные магазины и побежал по коридору к центральной лестнице.

Было пятнадцать человек. Один остался в аппарате, который все еще висит над замком. Четырнадцать. Один — лежит в коридоре. Тринадцать.

Двое — на крыше, и им понадобится еще минуты полторы, чтобы попасть внутрь.

Одиннадцать.

Двое во дворе, блокируют отход. Девять.

Один в спальне.

Гриф перечеркнул очередью дверь — крест-на-крест, предупредив противника, что лучше несколько секунд переждать. Ровно столько, чтобы Гриф успел свернуть за угол, к кухне.

Там двое — один на кухне, в глубине, второй возле выхода в столовую.

Откуда Гриф это знал? Просто знал.

Он знал, что тот, что на кухне, сейчас осторожно идет вдоль стеллажей с посудой, держа под прицелом окно и дверь в кладовую, второй осторожно подходит к двери в столовую, протягивает левую руку...

Пули пробили дверь, ударили в бронекастюм и опрокинули бойца.

Гриф броском преодолел столовую.

Двое в зале, один в коридоре перед кабинетом. И еще четверо в зимнем саду.

Те, что были на крыше, уже вошли в дом.

Нужно прорываться.

Гриф сменил в автомате магазин. Никак не мог вспомнить, как эта машинка называется.

Тридцать патронов в магазине – это точно. Остальное – фигня.

Выстрел сквозь дверь, не в противника – тот не на линии. Пуля разбила хрустальную вазу возле камина, отвлекла внимание. На полсекунды. На четверть.

Дверь распахнулась.

Два сдвоенных выстрела. Не в бронекостюмы – под шлемы. Один боец упал сразу, второй – замер, выронил оружие и только потом опустился на пол.

Кабинет.

Фигура в бронекостюме выросла на пороге. Гриф бросился в сторону, зацепился ногой за край ковра и, уже падая, нажал на спуск.

Не повезло тебе, парень, подумал Гриф. Теперь нам с тобой не разминуться, уж извини.

Бронекостюмы хорошо держат попадания, но если кто-то, особо одаренный, умудрится положить с десятка пуль над кирасой, в горловую пластину...

Вот, например, как Гриф.

Силуэт противника словно раздвоился, поплыл в сторону, и Гриф стрелял в ту, призрачную, половину, туда, куда боец только собирался стать, только начинал двигаться.

Четкие удары пуль в бронепластину. Четкие и частые.

На каком-то выстреле звук изменился.

Стук-стук-стук... щелк... и мягкий, влажный хлопок...

Гриф оттолкнул мертвое замешкавшееся тело противника, вбежал в кабинет.

От главного входа ударило сразу четыре ствола.

Поздно. Гриф хлопнул рукой по крышке сейфа, диафрагма открылась, и «блеск» оказался в ладони.

Вспышка. Пока только свет, чтобы предупредить. Яркий, ослепительный свет, заставивший потемнеть забрала шлемов.

Бойцы теперь двигались слаженно, словно в хорошо отрепетированном танце.

Двое – снаружи, за стеной. Кладка прочная, гранит, но есть окно, закрытое дубовой ставней. Если что, сквозь него легко пройдут.

Пятеро в зале, рассредоточились, чтобы не попасть под одну очередь и, если что, заплести огнем все помещение.

Один – в курительной комнате, за внутренней стеной, трое – на втором этаже, готовы входить через потолок.

Толково их ведет оператор в ракетоплане над замком. Четко, аккуратно и с подстраховкой.

Гриф поднял «блеск» вверх.

Огненная *спица* прошла сквозь потолок, сквозь оба верхних этажа и уткнулась в висящий над замком летательный аппарат.

Аппарат качнуло, повело в сторону, включившиеся маневровые двигатели не смогли удержать его, только замедлили падение.

Хруст деревьев верхнего парка Гриф скорее не услышал, а угадал.

– Кто-то со мной хочет поговорить? – крикнул Гриф.

Теперь его не удивляло, что он знает о своих противниках все. Не видит, но чувствует, как парни в зале замешкались, потеряв связь с диспетчером, как шарахнулись в стороны трое на втором этаже, возле самых ног которых только что прошла спица, как двое на дворе переглянулись и отступили к зданию гаража...

– И еще раз, последний, спрашиваю – кто-нибудь хочет со мной поговорить? – Вот тут Гриф наконец осмотрел свою правую руку.

Будто какое-то розоватое масло тонким слоем покрывало кисть от кончиков пальцев до запястья. И никакой крови. И никакой боли.

– Что вам нужно? – спросил голос из зала.

Говорил тот, что стоял возле камина. Командир. И это он показывал бойцам фотографию и распределял приоритеты целей перед началом операции.

– Смешной ты человек! – крикнул Гриф. – Это значит, вы вломились ко мне домой, открыли пальбу и теперь спрашиваете, что мне нужно? Мне что, обидеться?

Трое наверху принялись без лишней суеты ставить на полу заряды.

– Ты не хочешь своим ребятам в гостевой спальне сказать, что мины в частных домах ставить незаконно? – спросил Гриф, не повышая голоса.

Чего тут надрываться, если в стандартный комплект бронекостюма входят внешние микрофоны.

Ребята в гостевой спальне продолжили свою работу.

– Смотри, я предупреждал...

Снова спица прошла сквозь перекрытие между этажами. На этот раз – точно в один из зарядов. Никакой детонации – только вспышка, как от магния. Еще две вспышки.

– Либо они валят оттуда, либо я за себя не отвечаю, – сказал Гриф.

Адреналин потихоньку уходил из крови, дыхание восстанавливалось. Все входило в привычное, контролируемое русло.

Сейчас командир отведет своих парней сверху.

Бойцы бегом покинули спальню и спустились вниз, в вестибюль.

– Ты мне хочешь что-то сказать или мы будем вести переговоры только о спасении ваших жизней? – поинтересовался Гриф. – Вы же на Территории, а я – свободный агент. Если я даже вас сейчас нашинкую в мелкое какаду, то мне ничего не будет. Я мог бы процитировать нужные места из Соглашения, но предлагаю поверить мне на слово. Будешь что-то говорить?

– Нет. – Голос командира нападавших звучал немного напряженно. Или это барахлил внешний динамик на его шлеме. – Мы хотим уйти.

– Прикажи своим ребятам выйти из здания. Крыльцо со львами, площадка перед ним. Всем уйти туда. Раненых унести. У тебя один убитый, он пока останется возле меня, извини.

– Двое, – сказал командир.

– Извини, – повторил Гриф.

Он подождал, пока в здании не останется никого из них, кроме командира группы.

– Продолжим, – сказал Гриф. – Сейчас твои бойцы аккуратно сложат оружие, снаряжение посреди площадки, а потом отойдут к ступеням.

Бойцы положили оружие. Начали расстегивать бронекостюмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.